

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**ПЕТЛЯ
АФРОДИТЫ**

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Петля Афродиты
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22296067

Петля Афродиты : [роман] / Лариса Соболева: Издательство АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-101002-7

Аннотация

Что может пошатнуть устои благополучной и на первый взгляд крепкой семьи? Есть достаток выше среднего, есть взрослые и красивые дети, которыми можно гордиться, есть старинный друг, такие сейчас все реже встречаются – он всегда поддержит, не предаст. И вдруг... однажды из огромного, дорогого, забитого благополучием шкафа выполз скелет. Его тщательно прятали, о нем давно забыли, а он выполз и начал дирижировать судьбами. Еще никто не понимает, что нависло над ними, а трещина между тем в семейной лодке увеличивается, грозя утопить всех пассажиров. И дети вдруг стали другими, отделились, озлобились. А может быть, они всего лишь отражение отца с матерью? Так бывает, если спрятал скелет – будь готов, что он однажды изменит твою жизнь, если не уничтожит.

Содержание

1	5
2	22
3	40
4	57
5	74
6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Лариса Соболева

Петля Афродиты

*В мире много кривых зеркал, и только одно
реальное – это наши дети.*

*Татьяна Чекрыгина, психолог, психотерапевт,
профессор РАЕН*

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

1

Ветер перемен

На улице с утра стояла сплошная пакость: небо затянулось ровной серостью без погрешностей, а ближе к обеду сентябрьские тучи превратили день в настоящие сумерки. Вот-вот польет с неба. Как же не любил Валерий Витальевич дождь, слякоть, сырость... Не успел подумать о мокропогодице, как лобовое стекло засыпали микроскопические точки – словно по заказу заморосило.

– Я дурак!.. Я немножко сошел с ума.

Это ж надо, как его плющит, выражаясь языком младшего сына. Эмоции наружу, разговаривает вслух, да с таким театральным пафосом – самому противно. Вероятно, пьеса, не нарочно разыгранная им, должна была бы убедить самых черствых зрителей, что Болотов говорит чистую правду и достоин жалости.

– Нет, я идиот, идиот... Надо мной все будут смеяться! Будут, будут! Сам смеялся, кстати, не раз. Ну зачем мне все это?

На самом деле убеждать некого, некому и оценить степень переживаний – насколько они правдивы, некому пожалеть его. Ни для кого не разыгрывался спектакль, нет. Болотов находился в салоне автомобиля один, общался сам с собой,

потому и дал волю внутренним стихиям. Механически отмечая в уме дорожные знаки, сигналы светофоров, на автопилоте он жал на педали газа и тормоза – Валерий Витальевич доверял себе. Руль-то держал в руках чуть ли не с пеленок, скорей всего, и первые слова сказал не «мама» или «папа», а «машина» и «бензин».

Так что же делать ему? Болотову не хватало решимости разрубить узел, а он не трус, не слабак, не тюфяк. Но проблема... Но переживания... Но совесть... Эдак напрямик к инфаркту приехать можно, как раз в этом дивном возрасте (слегка за пятьдесят) сердце и дает сбой, особенно у мужиков. Впрочем, Валерий Витальевич здоровьем не обделен. Внешностью тоже. Удачей – безусловно.

– Тянуть не имеет смысла, – уговаривал он себя.

И кружил без цели в центральном районе да вокруг собственного дома, отменив все дела и удрав с работы. Ну, может быть, набирался смелости и сил разрушителя, ибо предстояло разрушить собственную жизнь... или не разрушить – каков будет выбор. На выборе он и застрял.

* * *

В тот же час пожилая сухощавая женщина, одетая с полпозновением на шик в лиловое пальто в форме трапеции с большими накладными карманами и экстравагантную шляпу с широкими полями (несмотря на невысокий рост), нерв-

но оглядела заросший тупик в парке. Странно, Вера Ефимовна засомневалась – туда ли попала. А ведь другого парка (к тому же в центре города), где стоит одинокая деревянная беседка, которой лет двести, нет. И никогда не было.

Деревья и кусты, раскрашенные в оранжево-багровые тона, выглядели безобидно, но это все равно не принесло спокойствия, бедняжка никак не могла отдышаться. Не заметив ни одной человеческой фигуры среди осеннего буйства, подернутого полупрозрачной дымкой тумана, Вера Ефимовна зашла в почти развалившуюся беседку. О, как хотела бы она, чтоб эта гнилая постройка исчезла, растворилась в тумане, тогда, возможно, свидание не состоится. Она до спазмов в горле почему-то боялась этого randevu.

А предстояло ей встретиться здесь с... кем-то. Именно с кем-то, по-другому не скажешь. Это значит, Вера Ефимовна не знала, кто назначил ей свидание и зачем. Но она пришла. Не могла не прийти. Нет, она бежала, выбиваясь из сил, рискуя упасть замертво. И теперь реально ощущала величину своего потрепанного сердца, которое бешено колотилось, словно пыталось разбить грудную клетку и попрыгать вокруг хозяйки. В ее годы беготня и психические перегрузки чреватны непоправимыми ударами по здоровью.

Надо сказать, Вере Ефимовне давали намного меньше предательских паспортных данных. Она не старуха – о нет! Она дама, регулярно и тщательно следившая за собой – мапочки, укольчики, мезотерапия, диеты, стильная одежда...

И вот тебе уже всего лишь где-то как-то пятьдесят с малюсеньким хвостиком. Но это внешний фактор, на самом деле груз прожитых десятков давит на плечи, пригибает к земле поближе, будто намекая: скоро, скоро займешь свое законное место.

Вера Ефимовна проверила рукой – крепок ли остаток скамьи вдоль дощатой стены, присела на край и задумалась, одновременно переводя дух. А как отдышалась, достала из кармана пальто сверток. И не решилась развернуть. Только руки с сиреневым маникюром подрагивали, пристраиваясь к свертку, чтоб аккуратно достать кое-что неприятное... Нет, не смогла. Она сжала ладони в кулачки, опустила их на колени и рассматривала скомканную газету, подробно вспоминая, как получила этот сверток.

Дней десять назад, или чуть больше, сидела она в сквере, отдыхала. Вера Ефимовна всегда отдыхает после походов по магазинам в небольшом уютном скверике, где есть деревянные скамейки, детская площадка, искусно стриженные кусты и много густой тени от каштанов. Свечерело, потянуло прохладой, а уходить не хотелось. Из внутреннего кармана Вера Ефимовна достала стальную бутылочку и сделала пару глотков, наслаждаясь чудным вкусом кальвадоса. Напиток стоил того, чтобы им наслаждаться, а не проглотить залпом. Зятю привезли кальвадос из Франции в качестве презента, а теща тайком отлила в свою бутылочку, пусть теперь он докажет, что это она стырила – в доме полно народу. У зятя спиртно-

го – все равно что в алкомаркете, Вера Ефимовна всегда де-густирует алкоголь без спроса, ибо не балует зятек родную тещу изысканными напитками. Да-да, никогда не угощает, бессовестный. А ей хочется. Ей все хочется попробовать, изведать, узнать. На то и жизнь дана, жаль, слишком коротка она...

И в тот миг, когда понесло моложавую старушку на философию под сенью каштана, когда задымилась сигаретка в костлявых пальцах с молодежным маникюром, подбежала шустрая девчушка лет двенадцати на тонких ножках и, положив сверток ей на колени, выпалила:

– Это вам передали. – И убежала вприпрыжку по аллее.

Разумеется, Вере Ефимовне не пришла в голову мысль, что это бомба или еще какая гадость. Женщина она, так сказать, глубокая пенсионерка, не политик, не бизнесвумен – некому и не за что подсовывать ей бомбы с гранатами, потому смело развернула газету и...

Внезапно у нее перехватило дыхание. Это было хуже бомбы. Ей подкинули напоминание, что одновременно явилось неким знаком. Да, да, это знак. Плохой к тому же, в этом не было сомнений – иначе зачем эту вещь таким нелепым способом передавать? Но Вера Ефимовна все равно не понимала, что означает знак, точнее – что предвещает. Только нюхом, как беспородная и голодная собака чует кусок спрятанной колбасы, она почуяла злую насмешку, предупреждение, неосознанную угрозу.

Прошло несколько дней. Вера Ефимовна ни на секунду не забывала о «подарке», всегда носила его с собой, чтобы никто из домашних случайно не обнаружил и не пришлось бы объясняться. Она ждала. Ждала, каков будет следующий шаг дарителя, ведь для чего-то он подкинул ей эту вещицу, должен еще дать знать о себе. Не являясь душой, Вера Ефимовна подготовилась: купила газовый баллончик, хотя пистолет был бы надежней. Пистолет – это внутренняя стабильность, но кто позволит выдать оружие пожилой даме? У зятя есть пистолетик, но до него не добраться, муж дочери либо в кармане его носит, либо в сейф кладет.

Дождалась Вера Ефимовна и следующего «привета». Смотрела однажды вечером аналитическую передачу – о, политика весьма интересное явление, эти передачи ею не пропускались. К тому же ей нравилось козырять фразеологизмами из набора политиков перед друзьями дочери и зятя. Со старушками-соседками она не дружила, бабки на скамейках во дворе – это пошло, давит на психику загробный менталитет и убогое понимание действительности. Вдруг на мобильный поступил звонок, когда она уже перестала ждать пресловутого второго шага:

– Здравствуйте, Вера Ефимовна.

– Кто вы?

– Вы получили одну вещь, надеюсь, узнали ее.

Конечно, узнала! Но голос... Это был не голос, а звук из ржавой трубы – стальной и в то же время глухой, будто не че-

ловек говорил, а... робот, к примеру. Неестественный тембр, дурацкая загадочность, напоминание, лежавшее на дне сумки, нехорошие предчувствия – все это до жути пугало Веру Ефимовну. Она поняла, что ответа на свой вопрос не получит, от растерянности задала следующий:

– Вы мужчина или женщина? (В трубке гробовое молчание.) Откуда у вас мой номер? (Молчание.) Что вам нужно, черт возьми?

Видимо, этого вопроса и ждал «робот», ибо сразу же отчеканил без интонаций и пауз:

– Встретимся послезавтра в час дня в городском саду у деревянной беседки возле оврага. Приходите одна – это условие нашей встречи. Никто не должен знать, куда вы идете. Повторяю: никто не должен знать о нашей встрече.

– А если я не приду?..

Объяснять, что будет в случае «не приду», робот не удосужился. Она слушала короткие гудки и в замешательстве закурила, взяв сигарету из пачки, которую оставил в гостинной зять. Не услышала, как вошла дочь, держа вазу с фруктами.

– Мама! – ахнула она. – Ты же бросила курить!

Голос дочери Веру Ефимовну не способен напугать ни при каких обстоятельствах, старушка даже не вздрогнула, а задумчиво произнесла:

– Да? Бросила? Когда?

– Пять лет назад!

– Неужели?.. Извини, я забыла. Пойду... прилягу... Уста-

ла.

Она ушла, оставляя за собой хвост сигаретного дыма. И уже очутившись в смежной комнате, слышала, как дочь кому-то сказала, а может, просто произнесла мысль вслух:

– Вот и склероз пришел.

Вера Ефимовна не обиделась. Ерунда все это. А вот то, что ее вынуждают прийти на свидание, сохраняя договор в тайне, следовательно, нагоняя на бедную старушку страху с ужасом вперемежку, это серьезно. Помимо страха ее разъедало любопытство. Вера Ефимовна перебирала все возможные варианты встречи и выстраивала линии обороны, заодно взвешивая: идти или не идти.

Страшно. Из-за дурацкой таинственности страшно.

Мучаясь денно и ночью, она пришла к выводу, что все же один положительный фактор в странности имелся: свидание назначили на час дня. Среди бела дня вряд ли ей грозила беда – правильно? Преступления когда совершаются в подавляющем большинстве? Естественно, в темное время суток. Ночь – друг преступника. Этого было довольно, чтобы Вера Ефимовна отважилась на встречу с неизвестностью.

И вот она здесь, в городском саду у беседки возле оврага. От сырости продрогла, ко всему прочему небо обещало скорый потоп и даже заморосило, а она впопыхах не захватила зонт.

– Здравствуй, Вера Ефимовна... – раздался поблизости приятный голос, но она вздрогнула, потому что все, что

ждешь, приходит почему-то неожиданно, и оглянулась... Тайна не приоткрылась мгновенно, к глубокому ее разочарованию. И только когда рассмотрела холодный взгляд на бесстрастном лице, а главное, услышала вопрос:

– Ты действительно не узнаешь меня? – все поняла.

Этот вариант она даже не рассматривала, несмотря на подсказку, брошенную ей на колени долговязой девчонкой с короткой фразой: «Это вам передали». Потому не готовилась. Да, да, Вера Ефимовна, можно сказать, банально сунула голову в песок, как страус. Но у страуса головка маленькая, мозгов там – с гулькин нос, а она все-таки с большой человеческой головой... Неужели и у нее с возрастом мозг стал меньше размером? Нет, она просто вытравила в себе все, что напоминало о нечистой совести, ее совести. Она сумела забыть за давностью лет, да и жилось ей, в общем-то, прекрасно... но ведь за чужой счет так жилось.

Вера Ефимовна привсталала, чувствуя, как мелко дрожат коленки. Ее глаза слезились, а губы беззвучно шептали:

– Не может быть...

* * *

В сущности, Болотов лукавил. Можно сказать, немножко рисовался перед собой же, ведь и в своих глазах желательно выглядеть жертвой, а не палачом, чтобы легче было оправдаться. Только вот никак не получалось вылавировать

из собственных хитросплетений. Потому что есть один нюанс: разрушая, Валерий Витальевич намерен построить не менее качественное житие-бытие – такова его задача, воля и желание. Но его желание, только его. Оттого-то на душе и скверно. Да и сомнения, черт их возьми, не пускали к переменам! О, перемены... они всегда тяжелы и непредсказуемы, к ним нужно долго готовиться. И Болотов готовил проникновенную речь:

– Дорогая, пойми, мы переросли друг друга... Нет, так нельзя. Нельзя, нельзя! Звучит как издевательство. Нужно проще... добрее...

Хотелось бы знать, как это – проще? И вообще, что есть – проще? Он застрял на этом непростом слове, не умея его доступно объяснить, а ведь употреблял. И ого сколько раз. Употреблял правильно, но сейчас смысл почему-то ускользал от него. А это важно – понять смысл до глубины.

Поворот! Чертыхнувшись, Валерий Витальевич крутанул руль. Машина, визжа колесами, на полном ходу повернула вправо, из-под колес вверх взметнулась стена воды – дождь и вчера лил, и позавчера, лужи не успевали высыхать. Всю неделю стоит дрянь, а не погода. И настроение абсолютная дрянь.

Машину занесло... Болотов едва справился с управлением. Вот что значит – перейти на режим автопилота. И это в совершенно трезвом состоянии. Поворотник не включил, скорость не снизил, пролетел через зебру, как дурная пуля.

А если бы пешеход шел? Идиот! Он же не хочет ни своей, ни чужой смерти.

Валерий Витальевич отер пот со лба ладонью в замшевой перчатке и мысленно поблагодарил судьбу, что простейший маневр при потере контроля завершился без жертв. Опять это слово – просто, простейший, простой, проще... добрее... А уж доброта в его случае – полный абсурд.

– Так, спокойно, – сказал он себе. – Куда ты, Валера, спешишь?

Действительно, куда? Не на тот свет, уж это без сомнения. Он снизил скорость до 30 км, автомобилей все равно мизер на проезжей части, пресловутой скорости общего потока нет, можно ехать как заблагорассудится.

От тонких нитей дождя помутнело пространство, растушевав очертания всего, что окружало и проезжало мимо. Этот размытый фон надежно укрыл ехавший наперерез автомобиль. Заметил опасность Валерий Витальевич в самую последнюю секунду, дал по тормозам, только это уже не могло помочь.

Бааах!!! Дзинь... дзинь... – перезванивались осколки, посыпавшиеся на мокрый асфальт.

Иномарка стального цвета, выезжая на проезжую часть из переулка, нагло вписалась в нос автомобиля Болотова. Катастрофического столкновения не случилось, лишь образовался прямой угол: фара воткнулась в фару, отсюда и характерный взрыв, осколки... Вот только этого не хватало!

– Черт!!! – взревел Болотов после первичного шока, нервно открывая дверцу. Он вылетел из салона в полной уверенности, что свернет челюсть дорожному бандиту, вырвет ему руки-ноги, а после и голову открутит! Открутит и выбросит, тупицам и дуракам голова не нужна! Ух, как чесались кулаки... Да за свою железную лошадку премиум-класса Валерий Витальевич запросто порвет на тесемки!

В то же время, когда он готовился к мордобитию (кстати, это не его стиль общения), из стальной иномарки спокойно, не торопясь, выплыла молодая особа. За секунду в голове Валерия Витальевича отпечатались детали: бежевое кашемировое пальто свободного кроя и с широченными рукавами... лайковые перчатки по локоть... аккуратная стрижка... волосы очень темные... серьги в ушах скромненько сверкнули... Лет ей, наверное... Впрочем, возраст женщины – это шарада! Собственно, Болотов и не пытался угадать, сколько лет припрятала за шиком дорожная бандитка. Он скрежетал зубами, в гневе сжимал кулаки, его ноздри раздувались. В миг тяжелого выбора, когда зашкаливают нервы от избытка напряжения, достаточно ерунды, чтобы сорвать зло на первом встречном. И вдруг такой отличный повод спустить негатив...

Тем временем агрессорша, не задержав на нем взгляда ни на секунду, прошествовала к месту столкновения, присела на корточки, подобрав полы пальто. Она рассматривала «поцеловавшиеся» фары с нетипичным интересом и без пани-

ки (что возмутительно!), словно в месте столкновения была полка с косметикой! Куда ж тут отрывать руки-ноги-голову! Но выход-то негативу должен быть? В бессилии Валерий Витальевич, не найдя закономерного применения кулакам, зарычал на дорожную террористку:

– Прежде чем садиться за руль, надо правила выучить! Чтоб от зубов! Чтоб среди ночи!.. Вы хоть какое-то представление имеете, что такое главная дорога?

Она подняла лицо. Красивое, надо признать. Очень. А красивые женщины, к тому же молодые и дорого одетые, «цены себе не сложат». Мерзавка решила выехать на проезжую часть, не считаясь с движением по главной дороге! Мало того, на ее личике Болотов не прочел ни капли сожаления, расстройства, раскаяния! Да хоть бы капризная гримаса отпечаталась: мол, вот дядька поганый, разъездился тут и помешал моему величеству проехать. М-да, в отличие от Болотова, она – само хладнокровие. Наверняка девочка из мажорного клана, папа купил игрушку на колесах – не жалко, еще купит. Если бы выложила заработанные рублики за автомобиль, от ее спокойствия остался бы один пар, который она выпускала бы сейчас, бегая вокруг машин на шестой скорости.

Пока в его голове скакали мысли возмущения, террористка поднялась с корточек, глядя прямо в глаза пострадавшему, и, кажется, удивилась. Наконец-то! Хотя бы удивилась, черт возьми! Но чему?! Ее нестандартная реакция взбесила

Болотова вдвойне, а вообще-то...

Если посмотреть на Валерия Витальевича непредвзято и не в критической обстановке, взгляд одобрительно посветлеет, особенно у женщин. Мужчины типа Болотова производят самое благоприятное впечатление практически на всех людей. Пятьдесят четыре, в общем-то, приличный жизненный стаж, это начало пути к закату, но, глядя на Болотова, о закате как-то не думаешь. Он не носит впереди себя брюхо, безобразно нависающее над ремнем, напротив: подтянут, статен, с ходу видно, что нарастил Валерий Витальевич крепкие мышцы, усердно занимаясь в спортзале. А возраст – это всего лишь приятный бонус, добавляющий ему очков. И лицо не обрюзгло, и щеки не обвисли до плеч, вполне приличный фэйс (как говорит младший сын) с чертами брутально-го жителя древней Эллады. На самом деле Болотов мягкий, уступчивый, уживчивый и весьма дружелюбный человек. Но при этом не тюфяк – да, да, да! Он эмоциональный, немного ветреный... он разный! Это его преимущество – разный. Итак, цифра «54» придает ему импозантности, даже украшает. Как украшают темные густые кудри с благородной проседью. Кстати! Далеко не у всех проседь благородна, чаще она неряшлива.

А дождик набирал силу. Аварии объезжали автомобили, в данной точке проезжая часть широкая – места всем хватает. Террористка запахнула пальто, приподняла отложной воротник, соединила его под подбородком, придерживая обе-

ими руками. Дурацкая мысль пронеслась в сознании Болотова: как много молодых и красивых женщин, а жена есть жена. К примеру, эта дурно воспитанная леди притягательней и сексуальней той, ради которой... Леди привела его в чувство – опустив накрашенные ресницы, она тихо, в то же время виновато вымолвила:

– Простите меня... я перепутала педали...

Черт знает, какая магическая сила от нее исходила, а также от ее голоса, который завибрировал во всем его теле, но Валерию Витальевичу внезапно стало неловко за грубый тон, жесткие фразы, мальчишескую несдержанность. Он уже готов был извиниться сам, если б не глупость (явно врожденная черта), сказанная ею:

– Не расстраивайтесь, это всего лишь куча железа...

– Ваш автомобиль – куча железа, а мой – куча денег! – рывкнул он, снова сорвавшись на грубый тон.

Не дура ли ему повстречалась! Кучей железа обозвала четыре миллиона. Болотов поставил руки на пояс, походил, затем вспомнил и достал мобильник.

– В полицию звоните? – поинтересовалась демон аварии.

– Нет! Премьер-министру, – съязвил. Слушая длинные гудки, Болотов цедил: – Черт! Богдаша, возьми трубку...

– Но... мне очень нужно ехать... Я возмещу вам убытки.

– Смееетесь? Вы хотя бы примерное представление имеете, сколько стоит одна фара на моем автомобиле?

– Я заплачу, сколько скажете.

Она проплыла к своему авто, взяла с сиденья плоскую сумочку и, раскрыв ее, повернулась к Болотову с готовностью платить. Видимо, дева устраивает аварии раз в неделю, поэтому всегда имеет кругленькую сумму наличными на далеко не мелкие расходы.

Валерий Витальевич, в сердцах махнув рукой, сел в машину и запустил мотор. Резко сдав назад, затем проехав немного вперед, остановился. Окошко на дверце опустилось, он, опираясь рукой о пассажирское сиденье, наклонился, чтобы видеть дорожную террористку, и дал совет:

– Девушка, не садитесь за руль. Пожалейте пешеходов и водителей.

За сим гордо укатил с разбитой фарой и покореженным носом, не взяв компенсации. В зеркало видел: бандитка стоит и тупо смотрит ему вслед. Теперь претензии предъявить осталось только Господу Богу:

– Боже, зачем ты позволил бабам садиться за руль? Кухня, церковь, дети! Это не дураки придумали, это все, на что они способны. Боже, ты допустил роковую ошибку.

Небо тужилось долго, и, наконец, разверзлись хляби небесные. «Дворники» разгребали воду – туда-сюда, туда-сюда. И скрипели. О, как свирепо они скрипели! Челюсти сводило от этого скрипа.

Позвонила она – его... м... Не нравилось ему слово «любовница», отдает дешевкой. Безусловно, Инна не пятидесятилетняя корова, облепленная внуками, кастрюлями, лекар-

ствами, которая до отупения смотрит экзотические сериалы про дико-страстную любовь и льет крокодиловы слезы по несостоявшейся личной мелодраме. Инна молода, красива, прекрасно образованна, с ней часами можно говорить на разные темы. Она современная девушка, достойная всего самого лучшего, что способна дать жизнь. И она выбрала Болотова. Нет-нет, не потому, что он богат, Валерий Витальевич считает себя бизнесменом средней руки, тут все круче. Слово есть такое – любовь. Взаимная. Потрясающая. Проверенная временем – четыре года, извините, что-то значат. Да, любовь, от которой отказаться – лучше повеситься. Болотов не хотел вешаться. Инна ждет результата, а что он скажет ей, что? Пообещал сегодня разрулить ситуацию, пока не выполнил обещания, потому что... потому что!

Болотов не взял мобилу, она звонила и звонила, а на дисплее сияла звезда в ночном небе над землей с тремя заглавными буквами – ИНН. Пойми, что это. Любой подумает: номер конторы, где выдают идентификационные номера. Конспирация, однако. Да, именно звездой стала для него Инна четыре года назад, но звезды не всегда завораживают сиянием, иногда они пропадают, закрывшись тучами, о них забываешь, если они не напоминают о себе.

2

Перемены отменяются!

Атмосфера в доме напоминала струны гитары, потерявшие упругость, отчего они стали дребезжать, в результате прекрасный инструмент, приносивший радость, не строит. Не смертельно как будто, но жизнь в доме действительно не строилась. Надюша Алексеевна поморщилась: не в ее привычках заворачивать пассажи в духе бульварного чтива – гитара, струны, не строит... Реальность гораздо тривиальней – в доме разлад. Нет, внешне вроде бы все как прежде: улыбки, поцелуи в щечку, шутки тоже остались, правда, стали невеселыми. А нечто связующее пропало. Это уже не семья, а обитатели, которые разбегались с раннего утра, возвращались поздно и в разное время, после чего, наскоро перекусив, разбредались по своим норам. Квартира – заблудишься, муж выкупил весь этаж в подъезде, соорудил зачем-то мансарду под крышей с выходом на площадку, так что есть где спрятаться. Кругом все затихало. Люди есть, а дом словно безлюдный. Шумные завтраки и ужины за общим столом канули в Лету, стало пусто и скучно. Стало холодно, неприятно, отсюда и тревога разъедала душу, которая замирала в предчувствии чего-то нехорошего. Тем не менее все как всегда. Будто бы. Это мучительно.

Надежда Алексеевна ощущала разлад по энергетическим колебаниям, а их не предъявишь в качестве претензий. Нельзя же выставить улику – воздух. Только вот понять природу разлада ей не удавалось, а ведь понять – значит устранить причину. Она бродила по большой квартире, словно искала в закоулках ту самую неуловимую причину, которая, казалось бы, малым-мала, а грозит крахом. Подобное положение тупика приводило ее в тихое бешенство, ведь невозможно предъявить претензии никому. Никому!

– Что ты все ходишь, ходишь? – отложив газету, спросил друг семьи Богдан Петрович. – Ищешь что или так?..

Он солидный дядя, юным другом ее семьи быть не может, разменял Богдаша пятый десяток, как и муж. Невольно Надежду Алексеевну уколола мерзкая мысль: какие же они все безнадежно старые.

– Да, ищу, – рассеянно вымолвила она. – Вчерашний день.

– Вчерашний искать бесполезно. Лучше, Нюша, завари чайку, а? Я, честно сказать, в сонливом состоянии – не погода, а снотворное.

– Может, кофе?

– Не-не-не, – отказался Богдаша. – Чай дает более длительный эффект бодрости. Хороший чай, разумеется.

Надежда Алексеевна вспомнила, что ее проблемы не должны портить жизнь людям, тем более Богдану. Он всегда относился к ней с предельным вниманием и пониманием, всегда принимал ее сторону во время ссор с мужем, да-

вал дельные советы, лечил все их семейство. Очень хороший человек Богдаша. И смешной. Торчащие во все стороны волосы, торчащие усы, круглые голубоватые глаза, обиженно оттопыренные губы (на самом деле Богдан обижался крайне редко) и большие уши – разве не смешно? Если б не крупная фактура, он был бы похож на добряка-гнома из диснеевской сказки, способного превратить жизнь в праздничный фейерверк. Когда Надежда Алексеевна смотрела на него, ее губы сами собой растягивались в улыбке, но не сегодня, не сейчас.

– Божественно, – вскоре причмокивал он, пережевывая шедевр из слоеного теста с дивным кремом. – Ты лучшая в мире хозяйка.

– Думаешь, комплимент кинул? – надулась она. – Хозяйка! Хм! Современную женщину устроит сравнение только с королевой.

– Амбиции, Нюша, яд. Они сводят в могилу всех без разбору: слабых и сильных, бедных и богатых, молодых и старых, сводят раньше срока. А жизнь так прекрасна... и быстро проходит. Так на фиг ее сокращать? Ну-ка давай по чесноку: чего тебя плющит?

– Фу, Богдан! – сморщила она нос. – Выражаешься, как молодняк на пятаке... как наш Артемка! Толковый словарь нужен, когда его слушаешь.

– Стараюсь не отстать от жизни. Так что там у тебя? Колись.

– Ты серьезно... считаешь, со мной что-то не так?

Если честно, не хотелось бы Надюше услышать, что именно с ней не так, а Богдан, казалось, легко считывает ее тревоги вместе с мыслями. Это, извините, никому не нравится. К счастью, щелкнул замок в прихожей. Надежда Алексеевна подхватилась, обрадовавшись, что диалог с Богдашей прерван. Иначе она не удержалась бы и вывалила на него свои подозрения, досаду, негодование, упреки и... в запале можно такого наговорить, что потом стыдно будет даже в зеркало смотреть, не то что в глаза Богдану.

– Это Валера, – бросила она ему, идя к выходу, но телефонный звонок заставил ее вернуться к столику у дивана и взять трубку, данная мелодия стояла на номере матери. – Наконец-то! Мама, куда ты пропала?..

– Извините, – послышался в трубке незнакомый мужской голос, – я врач «Скорой помощи». Мы нашли вашу мать в парке. Она лежала на дне оврага, который находится за деревянной беседкой...

– Что-что? Лежала? – не могла с ходу включиться Надежда Алексеевна, встревожившись. – Почему лежала? Как это?..

– Видимо, упала...

– У деревянной беседки? А что она делала в парке в такую погоду?

– Наверное, гуляла. Нам позвонили, мы приехали и...

– Она жива?!

– Жива, жива, но... в стабильно тяжелом состоянии. В су-

мочке мы обнаружили телефон и позвонили вам, чтобы сообщить, где искать ее.

– Я сейчас приеду...

Вошел муж. В кои-то веки Надя не обратила на него внимания, не кинулась встречать – нет, она вообще отвернулась, будто один его вид мешал вести диалог по телефону. А Болотов сразу же надул губы, потому что... искал повод! Хотя бы косвенный. Надо же как-то начать, за что-то зацепиться?

– Обязательно приезжайте, но не в парк, – говорил тем временем доктор в трубке. – Мы отвезли ее в четвертую больницу, там вы сможете навестить свою мать и поговорить с врачом.

– Я... да... я приеду... конечно. Спасибо.

Когда она убежала, ничего не объяснив мужу, Болотов повернулся к жующему другу, представляя собой один большущий вопрос. Богдаша, научившийся без слов понимать его, пожал плечами:

– Не знаю. Ей позвонили только что, о чем шла речь, я не вслушивался.

– Странно... – разгуливая по гостиной, словно это чужой дом, произнес Болотов. К чему он бросил это слово «странно»? Что странного в том, если жена получила плохие новости? Плохие? Валерий Витальевич насторожился: – Боня, речь обо мне шла?

– Нет, – беспечно ответил тот, беря очередной кусок торта. Во всяком случае, половину кто-то съел, а утром тор-

та на столе Болотов не видел, значит, Надя приготовила его днем. – Точно нет. А чего это ты так всполошился, м? Боишься стукачей, да?

Разумеется, он знал о подпольной жизни друга, не одобрял, но и не считал своей обязанностью доносить Надюше. Фактически Богдана являлся тормозом, мешавшим осуществить перемены, он отговаривал Валерия Витальевича от неосмотрительного поступка, но кто же слушает голос разума?

– Перестань жрать сладости килограммами, ты безобразно толст, – не нашел ничего лучшего Болотов, кроме как наехать на обжору.

– Мы не в духе? – хохотнул Богдан. – Что, опять? Опять тебя крутит?

– На что ты намекаешь?

– Я разве намекаю? Хм! Я всегда говорю в лоб.

Стремительно вошла Надюша при полном параде, на ходу застегивая сумочку, и невольно Валерий Витальевич посмотрел на жену взглядом постороннего. Ей пятьдесят один, но слова «состарилась, старая» Нюше не подходят. Она до сих пор фигуристая, яркая, эффектная, до сих пор у нее аквамариновые глаза, а губы не потеряли естественного цвета. Но Надя... Надя уже не та, она другая.

– Богдан, не отвезешь меня в четвертую больницу? – спросила Надежда Алексеевна. – Я не смогу вести машину.

Она обожает одеваться в один цвет, по ее мнению, это

изысканный стиль, Болотову пристрастие к однотонности не нравилось. Сейчас на ней темно-бордовый костюм, такая же по цвету водолазка – скучновато. Только одна-две мелких детали могли быть другого цвета – маленький шарфик, брошь, платок. Про детали Нюша забыла, к тому же и сумку схватила из другой оперы – коричневую, а это нонсенс. Значит, дело серьезное. И она действительно была перевозбуждена. Однако Болотова задело, что жена игнорирует его. А вдруг узнала об Инночке и приняла оборонительную стойку, для начала исключая мужа из поля зрения?

– Тебе не кажется, что с подобными просьбами обращаются к мужу? – заметил он слегка раздраженно. – То есть ко мне?

– Ты устал, а мы с Богдашей бездельничали...

– Ничего, я справлюсь, – перебил он. – А что, собственно, случилось?

– Мама... она... – У Надюши дрогнул голос. – Ее нашли без сознания в парке и повезли в четвертую больницу. Меня просили приехать.

У Болотова появился мощный повод... отложить перемены! Да, да, да! Отложить на неопределенный срок! Это его безумно обрадовало. Как гора с плеч!

* * *

Дождь лил полдня, к вечеру поутих. Инна вышла на бал-

кон, выставила руку – капли все же срывались, но были редкими и теплыми. Она решила пройтись. Ну хотя бы в магазин сходить, что ли, а то сама по себе прогулка не вдохновляла, как-то не до того. Поставленная цель сокращает время ожидания, пока туда-сюда сходишь, глядишь – час пролетел. А если сходить подальше, то и два часа пролетят.

Инна переоделась, не забыла телефон, посмотрела – хватит ли зарядки... Хватит, хватит. Только он все равно не звонит и вряд ли позвонит, догадывалась девушка и огорчалась с каждым часом все больше и больше. Так не пойдет, нужна какая-то перемена, смена места, развлечение. И вот она вышла из подъезда, накинула на голову капюшон плаща и не торопясь отправилась в дальний супермаркет, обходя лужи, в которых отражались печальные огни фонарей. Переходя по диагонали сквер, заросший густой травой, загадала: если будет нечетное количество шагов, он позвонит в течение пяти минут... Количество оказалось четным, Инна усмехнулась: – Фу, какая глупость.

В супермаркете она обошла все отделы, изучила, наверное, каждое наименование товаров, накупила всякой ерунды (половина покупок точно не пригодится в ближайшее время) и пустилась в обратный путь. Не торопилась. А куда, собственно, торопиться? На улице хотя бы пространство, воздух, которого не хватает в квартире, и время не ползет с черепашьей скоростью.

Бульвар пустовал, прохожие встречались редко, с неба ле-

ниво капало. Небо плакало, и Инне хотелось плакать. О, как хотелось плакать, потому что ужасно жалко себя. Чтобы отвлечься, она вполголоса бубнила в такт шагам:

– Мне... нужно... ра-ботать... Завтра... пойду... ис-кать... А что я умею? Ни-че-го. Я ничего не умею, но хочу ра-бо-тать.

Ничего – это она загнула. Просто опыта работы нет, а высшее образование есть, как у большинства. Впрочем, о какой работе она грезит? Обстоятельства не те, чтобы начинать ра-ботать...

И вдруг звонок! Наверняка у Болотова был долгий и тяжелый разговор, поэтому не звонил, а она, глупая, невесть что думала. Инна бросила пакеты на скамью, мимо которой проходила, иначе покупки очутились бы на мокром асфальте. И сама присела на край скамьи, прошептав в трубку:

– Да, Валера?

– Инночка, прости, что не звонил так долго, но случилось непредвиденное...

О, начало – хуже некуда, Инна повесила нос:

– И что же случилось?

– Я сейчас в больнице. Теща в реанимации, ее вытаскивают с того света, мы ждем результата.

– Понимаю...

– Извини, дорогая, идет врач... Завтра утром приеду. Пока.

Ничего нового: опять уважительная причина. В сущности,

она и не рассчитывала на иной результат, разве что самую малость, ну, совсем капельку...

Внезапно ее внимание привлек человек, он пересекал бульвар, шагая быстро и решительно, Инне показалось, шел по направлению к ней. Да ведь к ней! Вон слева и справа в нескольких метрах от Инны другие скамейки, а человек стремительно идет по точному курсу. Фигура незнакомая.

И что-то екнуло внутри, испуганно забилося, панически приказывая: а ну-ка, бегом отсюда! Девушка огляделась – во-круг никого. Может, человек спешит по своим делам, а Инне что-то там мерещится после новостных передач о всяческих ужасах. Однако действовать в данных обстоятельствах следует только по одному нехитрому принципу: от греха по-дальше.

Она подхватила сумки и двинулась вдоль бульвара. Вскоре услышала шаги сзади, оглянулась... Человек был недалеко. Может быть, ему нет никакого дела до нее, но насильники, маньяки, уроды... этого добра слишком много, чтобы устраивать здесь демонстрацию бесстрашия. Инна ускорила шаг. Но и человек сзади ускорил! А если он все же пытается догнать ее? Зачем? На всякий случай Инна побежала...

Что должна думать девушка, уверенная, что за ней бегут? Знать – это одно, видеть – совсем другое. Инна оглянулась. Нет, не ошиблась, человек сзади тоже бежал. И еще раз оглянулась... О боже, да он совсем близко. Она заметила темную куртку, капюшон и даже шарф, обмотанный вокруг горла и

закрывающий нижнюю часть лица... Вот тут Инна испугалась по-настоящему, ее прошиб пот, в голову ударила кровь, в глазах пульсировали круги. И как нарочно – никого! Вымер город, что ли?

Инна бежала, оглядываясь и с каждым разом убеждаясь, что человек преследует ее. Кто он? Что хочет сделать? Строить предположения она не успевала, это потом – когда достигнет безопасного места. А вон и дом вдали, за сквером, сверкает окнами. Инна не испугалась ринуться в чащу, она знала местоположение всех деревьев и кустов, посему не ошибется, а незнакомец будет бежать на звук и кто знает – может, врежется лбом в ствол дерева?

Последний раз оглянулась Инна... Сомнения если и теплились мизерные, то рассеялись в миг – он тоже бросился в чащу за ней! Инна дунула со всех ног, больше не оглядываясь. Она неслась, ловко огибая кусты, иногда хваталась за ветки, чтобы выбраться из липких комьев земли, к сожалению, в сквере не везде посеяли травку. Наконец выскочила на асфальт почти у самого дома. Естественно, оглянулась, присматривалась к скверу, но ни человека не увидела, ни характерных для погони звуков не расслышала. Он отказался от преследования? Видимо, так. Инна с облегчением вздохнула, повернулась и... врезалась в мужскую фигуру. От ужаса девушка вскрикнула...

Доктор слишком скупно обозначил положение:

– Мне нечем вас обнадежить. Инсульт. Тяжелый. Надо ждать – это все, что могу посоветовать.

М-да, медиков в красноречии не упрекнешь. Нет, то, что плохо – Надежда Алексеевна усвоила еще дома, а насколько плохо? Доктору некогда, он перепоручил ее медсестре, которая дала команду идти за ней, сам же удалился.

– Успокойся, Надя, – утешал жену Болотов. – Вера Ефимовна жива, это уже обнадеживает.

– Всего несколько фраз... – хлюпала она носом. – Коротких. Неужели нельзя чуточку больше дать информации родным людям, которые сами близки к сердечному приступу? Хотя бы сказать, какие нужны лекарства, есть же суперсовременные препараты, мы в состоянии приобрести... Или какое следует организовать питание... уход...

– Тише, Нюша. Могло ведь быть хуже.

– Совершенно верно, могло, – подключилась медсестра, бодро шагая впереди. – Не сердитесь на доктора, у нас переполнено отделение, ему правда некогда. Знаете, я больше двадцати лет здесь работаю, могу сказать, что вас ждет, если желаете.

– Ну, ну? – подключился к диалогу Болотов.

– Ничего хорошего. Никто не знает, сколько времени ва-

ша мать пролежала без помощи. Когда ее привезли, одежда на ней была насквозь мокрая, значит, она лежала под дождем, переохладилась. А ведь именно в первый час медицинская помощь наиболее эффективна. Препараты у нас есть, вы зря волнуетесь. Проведут обследование, тогда скажут, каких лекарств не хватает, вы приобретете. Но поймите: возраст! Сейчас все зависит от силы организма, захочет ли он жить.

Как образцовая дочь Надежда Алексеевна обожала свою мать, чего нельзя сказать о зяте – но это же классика жанра! Правда, Валерий Витальевич не то чтобы не любил тещу, точнее будет сказать, не доверял ей. Недоверие базировалось на слабой платформе: ну, воровала теща спиртное и тайком попивала – это небольшой грешок, ну, болтлива бывала, ну, немного раздражала глупыми советами. По большому счету ему и упрекнуть-то ее не в чем, а вот не питал он к ней доверия. Впрочем, было несколько эпизодов, когда теща вылезала из оболочки рафинированной барышни на выданье, перепутовавшей века. Нечаянно милейшая теща перерождалась в злобную мегеру – это было что-то. Думала, никто из знакомых не видит ее, а Болотов случайно оказался вблизи. Он поразился двуликости и лицедейству тещи. Однако! Кто из нас в определенных обстоятельствах не бывал злым, несправедливым, грубым? Жену она, без сомнения, учила премудростям, почерпнутым из сериалов, Валерий Витальевич вмиг раскусывал, где жена пела под тещину дудку, ставил обеих

на место. Однако в общих чертах его дом – царство мира, а по требованию – и благодати. В конце концов, теща дожила свой век в тепле, уюте и достатке с единственной дочерью и тремя внуками, имеет право на сладкую старость. Мешать не мешала – места в квартире хватит на пять тещ, стало быть, причины неприятия матери жены надуманны. Болотов попросту придирался, присвоив ей статус: посторонняя. Очень точное слово – посторонняя, именно так теща и вела себя в семье дочери, ей все пофиг, кроме собственной персоны. Удивительно эгоистичная старушка. Смерти Вере Ефимовне он, разумеется, не желал, но и переживать – не переживал за ее состояние.

На первом этаже больницы медсестра завела их в пустую, если не считать пары стульев, комнату с окошком. Пожилая женщина в белом халате и небрежно повязанном платке на голове выдавала вещи Веры Ефимовны, сверяясь с описью. Процедура нудная, Валерий Витальевич откровенно скучал, барабанил пальцами по подоконнику, насвистывал и получал замечания – кастеляншу (это, видимо, она) раздражал свист.

- Кукла... – назвала следующий предмет кастелянша.
- Кукла? – переспросила Надюша. – Это не наша...
- Ваша, ваша, – заверила кастелянша.
- У моей матери не было кукол... тем более таких...
- У меня все по описи, – рассердилась кастелянша. – Женщина, не задерживайте меня, за сверхурочные мне никто не

платит. Тут горы всякого барахла, которое завтра рассортировать надо, а некоторые вещи и высушить, нам негде хранить ваше добро. Сделайте одолжение, заберите куклу и хоть выбросьте.

Странно, что медсестра не ушла по своим неотложным делам, а присутствовала при выдаче вещей. Скорей всего, она находилась здесь в качестве свидетельницы, чтобы родственники больной не предъявили претензий. А то бывает, орут, будто у их матери, помимо ободранного кроликового манто, в ушах болтались бриллиантовые серьги до плеч, которых нет в описи. Медсестра и внесла некоторые разъяснения:

– Ваша мама держала эту куклу обеими руками, когда ее нашли в парке. Медики «Скорой» пальцы не смогли разжать, это сделали только у нас, но с трудом. Ваша мама не просто держала куклу, она ее к груди прижимала. Так прижимают очень дорогую вещь... Неужели вы никогда не видели этой куклы?

– Никогда, – уверенно ответила Надежда Алексеевна.

Валерий Витальевич заинтересовался, что там за куколка, подошел ближе. Ничего особенного. Кукла оказалась непрезентабельной – тряпичной и весьма потрепанной, стало быть, игрушка старая, да и сшита кустарным способом. Всего сантиметров тридцать-сорок. Вышитые глазки, бровки и ротик, из желтых ниток сделаны волосы и разделены на два хвостика, есть и спутанная челочка. Носа не имелось, но он был когда-то, о чем свидетельствовала вмятина с остатка-

ми нитей – оторвали кукле носик. Ручки сшиты неплохо, да и ножки тоже, на одной сохранилась обувь – некое подобие ботинка. Одели куклу в веселенькое платье – зеленое в желтый горошек, украшенное множеством оборочек и рюшей. А новой игрушка была очень даже симпатичной и забавной. Нет, самоделка добротная, шила ее мастерица, тем не менее это самоделка. Безусловно, кукла – не тещина работа, эта мадам вряд ли держала в руках иголку хоть когда-нибудь. Болотов даже засомневался: а знает ли его дорогая теща, что на свете существуют иголки с нитками, что ими шьют платья или, например, таких симпатичных куколок?

– Заберите, – настаивала медсестра, обращаясь к Надежде. – Даст бог, мама ваша поправится, вы и спросите ее, что это за кукла.

Надежде Алексеевне ничего не оставалось делать – она безразлично сунула тряпичную куклу в пакет с вещами матери и вдруг вспомнила:

– А зонт?

– Какой зонт? – спросила медсестра.

– Обычный. Мама пошла в парк, а погода с утра грозилась дождем, в таких случаях она обязательно берет зонт.

– Зонта не было, – заявила кастелянша.

– Не было, – подтвердила и медсестра.

– Я, видимо, кажусь вам мелочной, – залепетала в извиняющейся тональности Надюша, – но у моей матери особые зонты... эксклюзивные... авторские... она ими очень доро-

жит...

Медсестра смотрела на нее с жалостью, и Надюша осеклась, опустив глаза, соединив брови, ибо за жалостью читалось: пусть мама сначала выживет, потом будет зонтики считать.

– Я помогала раздевать вашу маму, – сказала медсестра, – сумка была, кукла была, газовый баллончик был...

– Газовый баллончик? – пожала плечами Надежда Алексеевна. – Зачем ей газовый баллончик?

– Для самообороны, – предположила медсестра. – Он находился в нагрудном кармане жилета. А зонта не было.

Махнув рукой, мол, и бог с ним, с зонтом, Надежда Алексеевна взяла два пакета в одну руку, но Валерий Витальевич забрал их. Поблагодарив медработников, оба вышли в длинный темный коридор. Шли молча. Между ними давно образовался вакуум, по негласному договору тема «почему у нас так?» находилась под запретом, оставшись наедине, он и она ощущали себя в разных точках галактики. И оба это понимали.

Выйдя из здания в парк, прилегающий к больнице, они с облегчением выдохнули сжатый больничным дух незаметно друг для друга. Болотовы стали скрывать и свои эмоции. Как чужие. А ведь конфликтных ситуаций у них будто бы и не было. Однако у кого рыльце в пуху? Кто час за часом исподволь сооружал эту разобщенность? Болотов и не отрицал бы вину, появись обвинитель, потому в данную минуту решил-

ся пойти на сближение с женой, а начинать лучше всего с шуток:

– Я и не знал, что моя любимая теща играет в куколки.

– Хочешь сказать, моя мать впала в маразм?

Надин голос напомнил «дворники», разгребающие воду на лобовом стекле, – такой же скрипучий, невыразительный, монотонный и действующий на нервы. Валерий Витальевич про себя признал, что шутка действительно неудачная, но, с другой стороны, Надя могла бы и смягчиться.

Остаток пути до машины, потом до дома прошел в натянутом молчании. Когда людям не о чем поболтать и уже ничто их не объединяет, время, проведенное вместе, отравляет обоих.

3

Любовница

– Пойми, я не мог ее добить... просто не мог, – винился Болотов утром, находясь у той, с которой хотел бы встретить старость, но при этом не хотел порвать с семьей.

– Я знаю, ты благородный человек, – тускло вымолвила Инна, опустив длинные ресницы, от которых тень упала на скулы. – Но почему-то твое благородство мало распространяется на меня...

– Да при чем тут благородство! – взорвался Болотов.

Он ходил, ходил... Это такая примитивная реакция на ситуацию, в которой внутреннее неудобство выражается в тупом движении. А она сидела в углу дивана, поджав под себя ноги, укрытые пледом, и слушала его с монашеским смирением. В сущности, Болотов пустился в путешествие вокруг дивана с Инной, прячась от ее глаз. Впрочем, это было лишним, ведь она на него не смотрела. Он взмахивал руками, приглаживал волосы, тер подбородок, нос... и понимал, что выглядит дерьмом. Себя со стороны сложно увидеть, еще сложнее – дать себе же честную оценку, а он успешно делал то и другое. И на собственной фальши ловил себя, кстати, по изворотливости Валерий Витальевич просто чемпион мира.

Инна – очаровательная шатенка с волнистыми волосами и

бледно-серыми глазами, чистыми, как родниковая вода. Он обожал ее сдобные губы, молочную кожу, мягкие ладони с аккуратными ноготками на пальцах, упругое и богатое тело, которым Болотов упивался до самозабвения. А как ему льстило, что его, седовласого мэна, любит хорошенькая и молоденькая девочка – почти ровесница дочери! Но сегодня Инна ощущала себя обманутой, потому робко взбунтовалась, ее голос дрожал, в родниковой воде глаз просматривалось помутнение от обиды. Она уже не верила словам-пустышкам, как догадывался Болотов, и это беспокоило его.

– При чем тут благородство? – повторил он мирно, плюхнувшись рядом с ней на диван. – У нее (между собой они никогда не произносили имени жены Болотова) мать при смерти. Мать умирает! Ты не знаешь, что это такое, и желательно, чтобы не узнала как можно дольше. Кстати, ты забыла? У меня есть еще трое детей, я бы не хотел их потерять. Для них удар по матери в этой ситуации станет ударом по ним.

– Твои дети все равно будут на стороне матери, если ты решишь уйти.

– Будут. Конечно. Но обстоятельства не будут осложнены умирающей бабушкой. Прости, Инна, я не мог... ну, правда, не мог...

И что она? А ничего. Болотов взял ее за подбородок, заглянул в дивные глаза. Я твой, только твой, – красочно нарисовано на его лице. Но Инна не верила ему. Ему! Он столько лет заботился о ней, опекал ее, она ни в чем не нуждалась.

Тем не менее ей хочется большего, чего он пока не готов дать, ну, не готов Болотов отфутболить семью ради нее. Однако бедняжка находится на той стадии, когда может взбрыкнуть и попросту сбежать от него.

– Прости... – заговорил он с жаром. – Пожалуйста. Пусть пройдет немного времени. Медсестра сказала, надо готовиться к худшему. А теперь представь, еще и я говорю: «Прощай, дорогая, ухожу к другой». Представила? Просто поставь себя на ее место. И как тебе двойной удар?

Инна молча склонила голову ему на грудь, это и был ее ответ, который означал – она простила. Почувствовав облегчение, Валерий Витальевич обнял ее за плечи и устало поцеловал в голову. При всем при том Болотову, одержавшему победу, не стало легче. Он опять обманул, когда показалось, что без Инны жизнь станет скудна, никчемна, однообразна. Он обманул ее, но и себя, разумеется. А это пренеприятный факт. Обманул потому, что не желал ничего менять в своей жизни, но и не хотел терять Инну, у которой терпение на исходе, а обещания надоели. Однако муки совести еще полбеды, проблема обозначилась куда хуже.

Осознав гнусность своего зависимого от двух женщин положения, Болотов внезапно потерял интерес к Инне. Вот так сразу! Нежданно-негаданно она очутилась на одной полке с женой Ньюшей, даже как-то слилась с ней, став ее отражением или двойником. Да они же похожи, как сестры, как две капли. Надя требует к себе особого отношения по праву за-

конной жены, Инна того же хочет, но сначала приобрести законное право домашней стервы... то есть жены.

Нелепо? Только что не знал, как уговорить Инну оставить их отношения в прежнем режиме, и тут же, без паузы, без длительного переосмысления понял, что лучше б она послала его подальше. М-да... Кто-нибудь способен объяснить, что с ним происходит? Анекдот. Только не про женскую логику, а мужскую. Наверное, устал. Он просто устал. Может, Богдаша прав: пора успокоиться и ходить на рыбалку вместо беготни по свиданиям? С этими метаморфозами необходимо, как говорится, ночь переспать, может, тогда прояснится в голове – что тут к чему. Болотов мягко отстранил Инну, встал:

– Все, милая... мне пора, пора, пора...

– Ты придешь сегодня? – не поднимая головы, спросила она.

И он угадал, шкурой прочувствовал: Инна ответ знает. То есть он еще не знал, что именно скажет, а она настолько изучила его повадки, что запросто считывала информацию.

– Сегодня? – переспросил Валерий Витальевич, нахмурил брови, якобы вычисляя остаток свободного времени после трудового дня, и обнадежил, точнее, солгал: – Постараюсь. Я немного запустил дела, но обязательно постараюсь вырваться на пару часиков. Пока, дорогая.

Едва за ним захлопнулась дверь, слышались тяжелые шаги. Инна не пошевелилась, не подняла низко опущенной

головы, даже когда услышала насмешливый голос Прохора:

– Ну что? Вышла замуж?

– Отстань, – тихо выговорила девушка.

– Это он научил тебя грубить старшим?

Прохор вальяжной походкой прошел в комнату, плюхнулся на диван и, закинув руки за голову, покосился на Инну. Он старше на шесть лет, потому считал себя умнее. Блондины кажутся сладенькими вечными мальчиками, и Прохор казался эдаким гламурным парнем, каких представляют девочки-подростки, начитавшись модных журналов, обязательно на берегу океана среди пальм или на шикарной белой яхте. Но он далек от слащавых картинок. С детства Прохор умел постоять за себя, не отлынивал от армии, не брезговал любой работой, когда срочно нужны были деньги. К женщинам относился с осторожностью, так как ценил древние качества, а не толстый налет современности, за которым женщину не видно. Главный его недостаток – прямолинейность, а ведь не всем и не всегда нужно говорить то, что думаешь. Вот и сейчас его слова были лишними:

– Инна, ты хоть сегодня поняла, что не бросит он свою старуху? Никогда не бросит. Твоя мечта неосуществима, а положение банальное.

– Замолчи, – тихо выговорила девушка сквозь слезы, вставая. Потом она отошла к окну и смотрела вниз, где на площадке перед домом делал круг автомобиль Болотова, разворачиваясь.

– Могу и замолчать, – пожал плечами Прохор. – Но знаешь, я еле сдерживался, чтобы не выйти и не дать ему в морду.

– Еще чего, – мямлила Инна, чуть не плача. – Это моя жизнь, я имею право распоряжаться ею. Почему ты все время вмешиваешься и диктуешь, как мне жить и поступать?

Инна никогда не пользовалась категоричным тоном, и в данный момент ее фразы больше походили на просьбу, чем на защиту своих законных прав. У нее слишком мягкий характер, который Прохор считал безвольным, беспомощным, уязвимым, впрочем, он не был далек от истины. Прохор обнял несчастную за плечи и вздохнул:

– Глупая. Я же люблю тебя, потому и переживаю. А ты не ценишь.

– Я ценю, – всхлипнула Инна.

Она тихо плакала, уткнув нос в его грудь, а у Прохора от негодования и злости дергался глаз, иногда такое бывает. Обнимая крепкими руками Инну, он думал о чем-то не очень приятном и задумчиво произнес:

– Ладно, поступай как знаешь. Меня больше беспокоит вчерашний преследователь. Жаль, я не нашел его...

– Пьяный какой-нибудь решил пристать к одинокой девушке...

– Думаешь? По тому, как быстро тебя нагонял, пьяным он не был. У пьяного координация страдает, а этот быстро ориентировался. И ты была сильно напугана, вон сколько цара-

пин.

– Ветки били по лицу...

– Странно, что твой Болотов о царапинах ни слова не сказал, как будто не заметил их.

– Ему не до того...

– Ай, брось защищать своего Болотова! Значит, ты бежала и не замечала, как лицо секли ветки. Потом врезалась в меня и даже не узнала. Это говорит о том, что твой испуг не на пустом месте возник.

Прохор говорил настолько задумчиво и обеспокоенно, что Инна отстранилась от него, забыв о своем разочаровании Болотовым.

– Мне могло показаться, – виновато сказала она. – Было темно, вокруг никого, а тут этот тип вроде бы за мной увязался... Может, не увязался, а ему было по пути со мной. Знаешь, у страха глаза велики.

– Ага, по пути. Поэтому кинулся в сквер за тобой. Слушай, а если это жена Болотова наняла бандюгу? Ну, чтоб отомстить тебе?

– Чтобы он меня убил? – ужаснулась Инна.

– Не обязательно. А, например, искалечил, изнасиловал. Женщины очень жестоки, когда семье угрожает опасность распада. Или, думаешь, она не в курсе, куда и к кому бежит ее блудливый муж?

Инна немного подумала и отрицательно покачала головой:

– Ошибаешься. Я с Болотовым четыре года, что ж она раньше не подослала ко мне бандита? Неужели только сейчас хватилась?

Не нашлось у него больше слов, чтобы переубедить дурочку. Не нравилось Прохору вчерашнее приключение Инны, он считал, ничего случайного в этом мире не происходит. Не нравился и Болотов со своим зажавшимся семейством. Если его жена тупая дура и до сих пор не догадывается о шашнях мужа, то старший сынок далеко не дурак, этот мог запросто сам решиться проучить любовницу отца. В сущности, Инна больше уговаривала себя, значит, сомневалась, и это хорошо: она обязательно проанализирует ситуацию не раз.

– Я прошу тебя, будь осторожной. А сейчас умывайся, одевайся, поедem.

– Куда?

– Мороженого поедим, в киношку ходим – я до пяти вечера свободен, в пять у меня шабашка. Не оставлять же тебя одну с горячими слезами. Давай быстрее. А то после твоего Болотова здесь дух тяжелый.

Инна улыбнулась и побежала в другую комнату переодеваться.

Надежда Алексеевна действительно была не в курсе очень долго. Догадывалась – да. Кто же не догадывается, когда ломит лоб от растущих рогов? Но вот следить за Болотовым не хватало духу, да и унизительно это, пошло. Однако на-

стал час, когда уязвленное самолюбие затребовало ясности. Она вынула из себя пресловутые морально-этические нормы вместе с гордостью, как вынимают из сумки все ненужное, и следила за мужем с той минуты, когда он выехал из гаража. И Надежда Алексеевна выехала, рассчитывая на длительную шпионскую миссию, поэтому заранее запаслась чаем и плюшками.

Приехал милый муж не на работу... А так спешил, даже завтракать не стал, ограничился лишь кофе и бутербродом, можно было подумать, у него аврал. Приехал Валера к жилым домам в старой части города, проще говоря, в центре. И в подъезд рванул, прямо как юноша. Но, может быть, это вовсе не то, о чем она подумала, Болотов мог приехать к приятелю, больному сотруднику... Собственно, гадать можно сколько угодно, желательно убедиться, какой из домыслов верный. Надежда Алексеевна, конечно, не заехала во двор, она удачно припарковалась у института и со всех ног кинулась к арке. Валера как раз набрал код и вошел в подъезд пятиэтажной сталинки.

– Ах ты черт! – проговорила она, всплеснув руками и оглядываясь по сторонам.

Где, у кого выяснить код? Но тот же черт, которого она упомянула всуе, видимо, помогал ей, расчищая дорожку к цели. Присмотревшись, Надежда Алексеевна заметила: входная дверь не закрыта, но вот-вот захлопнется... Ух, как она бежала к подъезду, впрочем, черт (да, это был наверняка

он) держал узенькую щель.

Итак, Надежда Алексеевна попала в подъезд, подняла голову и шарахнулась к стенке. Ее дорогой муж поднимался по лестнице, ей видна была его рука, хватавшая перила, спесиво посаженная голова. Стоило Валере опустить глаза... к счастью, этого не произошло.

Прижавшись спиной к стене, Надежда Алексеевна бесшумно перебралась к ступенькам и стала подниматься вверх, ступая на цыпочках, как заправская балерина, притом двигаясь у самой стены. Теперь Валера не смог бы ее заметить, а она прекрасно видела его холеную лапу, хватавшую перила.

Остановился! Но между этажами. Положил обе лапы на перила... Отдыхает. Постарел Валерик, силы не те, чтоб по лестницам скакать, дома-то лифт, а здесь – пеши надо. Она же не чувствовала ничего, кроме пульсирующего жара в висках, не думала ни о чем, кроме – куда и к кому идет ее муж. Сердце подсказывало... Но оно же не застраховано от ошибок! К тому же утро. Кто ходит по утрам к любовницам?

Добрался, позвонил аж на пятом этаже. Дверь открылась, и Надежда Алексеевна, рискнув обнаружить себя, поднялась на носочки, выглянув из укрытия... Успела увидеть молодую и прехорошенькую девушку возраста их дочери, которую ее муж (ее!!!) обнял и чмокнул в уголок рта. Нет, не просто чмокнул, а поцеловал с чувством. Понятно: эта девушка и есть бес в ребро. Дверь захлопнулась. Надежда Алексеевна пошатнулась, едва не упав, словно ее чуть не сбил с ног по-

рыв ветра. Вот и все. Верно говорят: пришла беда – открывай ворота, мать при смерти, а тут Валера...

– Свинья.

Теперь не нужно ходить по дому в поисках улик, не надо больше прислушиваться к воздуху, чуя чужие ядовитые частицы, отравлявшие атмосферу в доме. Тривиальная ситуация: у состоятельного мужика прелестная молодая любовница, к ней он бегаёт подогреть остывающую кровь по утрам – как мило. Нет, как умно!

– Кто ходит к девкам по утрам, тот поступает мудро... – спускаясь вниз, невесело пропела она на мотив песенки медвежонка из детского мультлика.

М-да, удар, сопоставимый с разорвавшейся бомбой... Стоп! Разве она не ощущала прохлады со стороны Валеры? Разве не подозревала? А когда последний раз у них был секс? Год назад?.. Два?.. Не вспомнила. Видно, очень давно, так давно, что это событие стерлось из памяти. Собственно, зачем ему секс с постаревшей женой, когда есть молодость, когда время отступает, тело наливается новыми силами и чудится, что стоишь в начале пути, а не на задворках?

И пришла Надежда Алексеевна к простому выводу: она не хотела замечать перемен в муже! Да, не хотела знать правды до вчерашнего дня. А что произошло вчера? Ничего. Действительно ничего. Просто Валере до лампочки ее переживания, связанные с матерью, да и сама Нюша глубоко ему безразлична. Она решила выяснить во что бы то ни стало при-

чину. Выяснила. Вернее, избавилась от иллюзий, а то ведь находила кучу оправданий беспутной скотине. Но теперь-то как быть?

Надежда Алексеевна вышла на воздух. Ее душила обида, рыдания рвались наружу, но она только кусала до боли губы, чтобы не завывать, не закричать, не разгромить этот дом, где муж сейчас лежит в постели белокурой девки. Ей нужна была опора в буквальном смысле, ибо подкашивались ноги, до машины точно не дойдет. Надежда Алексеевна рассеянно огляделась...

В старых дворах полно закоулков для отдыха, раньше при строительстве учитывались приблизительные предпочтения жильцов. Должны же дети где-то играть? Значит, минимум – строили песочницу, а то и детскую площадку. И для любителей шахмат с пивом есть грибки, под которыми стол и скамейки, беседки... В беседку, стоявшую в отдалении, поплелась Надежда Алексеевна из последних сил, там она полила слезами свою обиду и стыд. Почему-то стыдно за Валерку, словно это она стала похотливой кошкой.

Времени было достаточно, потому еще и подумала, что делать. Конечно, поговорить. Но не с мужем, а с его девкой. Не ради себя, ради детей, пусть они взрослые, но им тоже будет стыдно и противно, ведь правда все равно вылезет. И ей стыдно стать брошенной, как какой-то тряпке. Девка должна оставить старого дурака! Если не согласится – пригрозит ей, можно запугать, подкупить – эти девицы алчные, их же

интересуют только деньги.

Прошел час. Надо ли говорить, что переживала женщина, представляя до мелочей, как муж, с которым прожит не один десяток лет, кувыркается в постели с другой? Это был унижительный час, разрывавший на части сердце и душу.

Валера вышел из подъезда, доволен (сволочь), по сторонам не смотрел. На всякий случай Надежда Алексеевна спряталась за столбом, поддерживающим крышу беседки, через некоторое время с предосторожностью выглянула. Само собой, мужа и его машины уже не было во дворе. Несколько минут она посидела, собираясь с силами, и решительно направилась к подъезду. Нужно немедленно, сегодня, сейчас договориться с этой дрянью, пока Надежда Алексеевна готова действовать.

У подъезда на скамейке сидели две старухи – вот некстати! С другой стороны, у них можно спросить код, но под каким соусом, к кому она пришла? А старухи наверняка спросят. И вдруг Надежда остановилась, открыв рот.

На крыльце подъезда появилась та самая девица, к которой зашел Валера и нежно чмокнул! Да, да, это она, тут сомнений быть не может! У нее роскошные формы, на такие как раз и кидаются престарелые идиоты, а также белые волосы (наверняка крашеные) до лопаток и лицо невинной Алёнушки. Но она не одна! Ее сопровождал удалой самец, крупный, здоровый и, безусловно, красивей мужа. Хотя бы потому красивей, что вдвое моложе. Вот это номер!

Механически Надежда Алексеевна достала айфон и, якобы рассматривая на дисплее надпись – кто ей звонит, притом шурясь, сфотографировала парочку на фоне подъезда и старушек. Запечатлела просто так, вдруг пригодится. Возможно, Надежде Алексеевне даже не придется унижаться перед этой выдрой, например, предъявит фото мужу: мол, давай, дружок, выбирай между нами.

Парочка прошла мимо, а она, идя к старушенциям, оглядывалась, играя для бабуль, будто любитесь молодыми людьми, одновременно тайком снимая их. Очень кстати парень обнял девушку за плечи! Должно быть, Валера «приятно» удивится. Так ему и надо, старому козлу. Приложив айфон к уху, Надежда Алексеевна заговорила, имитируя диалог:

– Да, здесь. Подхожу к дому...

Мысль быстра, но уловима даже таким истерзанным сознанием, как у нее. Почему не допустить, что Валера прекрасно знаком с обоими молодыми людьми? А если это молодожены и у них есть общие дела с мужем? Но, пардон, а поцелуй? Чужих жен с такой неповторимой нежностью не целуют. Кто же разъяснит? Жить в неведении невозможно.

– Добрый день, – поздоровалась она со старушками и, улыбнувшись через силу, кивнула в сторону молодых людей. – Какая красивая пара.

Бабки покривили синеватые губы, дескать, а нам не нравится... Так вот же идеальные информаторы! Торчат целы-

ми днями на скамейке – это традиция престарелых особ, у которых времени полно, а тратить его некуда. Да они про всех знают абсолютно все, разведки мира отдыхают по сравнению с дворовыми бабульками. Надежда Алексеевна провокационно произнесла с легкой завистью:

– Наверное, недавно поженились...

– Не угадали, – фыркнула дородная бабуля, одетая в тряпки из секунд-хенда.

– Не угадала? – подняла брови Надежда.

– Девчонка поселилась здесь года полтора назад...

– Квартиру ей купил один богатый дядька... – подхватила вторая, худющая, как щепка. Но у этой старухи материальная база покруче, на ней болтался дорогой махровый халат на три размера больше, на ногах – шерстяные носки и (о, боже!) резиновые калоши. Карнавал, да и только.

– Папик, – подсказала первая со знанием дела.

– Ага, – кивнула вторая. – Он самый. Так называют любовников молодые девки.

Первая бабуля округлила глаза, оказывается, она не все знала:

– Откуда ты взяла, что купил ей? Может, себе купил, а она просто живет на его жилплощади.

– А я платежки видала! – выставила контраргумент подруга в халате. – Все на ее имя. И машину он купил ей, она ж не работает, а деньги есть – откуда, м? Не догадываешься? Так вот этот папашка бывает у Инны два-три раза в неделю.

– Чаще, – уточнила первая. – Иногда так каждый день заезжает, а то и утречком. Перед рабочим днем... Понимаете?

– Инна? – заинтересовалась Надя. – Это...

– Имя у нее такое, – пояснила первая бабка.

– Этот самый папашка только что от нее вышел, – несло вторую. – Ночевал, видать, у Инны.

Безусловно, Валера ночует у Инны, но когда жена в отъезде. Сегодняшнюю ночь он провел дома, старушки этого не знают.

– Что вы говорите, – искусственно изумилась Надежда. – Подождите! Вы сказали – только что. Но только что она была с тем красивым парнем. Они что, оба... ночевали у нее?

– Уж не знаю, не знаю, – заиграла бесцветными бровками вторая, давая понять, что незнакомка попала в точку.

– Да будет тебе чушь нести! – осадил бабку первая. – Молодой приходит сюда один-два раза в неделю, когда старого не бывает...

– А где ж этот молодой был-то сейчас? – изумилась вторая.

– Не знаю! – огрызнулась первая. – Может, в подъезде ждал.

– Один для тела, второй для денег, – заявила вторая, отказавшись от спора, и, по мнению Надежды Алексеевны, попала в точку. – А вы к кому?

– К Авраменко, – ляпнула первое, что пришло в голову. – Ой, вы знаете, я пока с вами говорила, забыла код...

– Но здесь Авраменков нет, – сказала вторая старушка.

– То есть? – разыграла удивление Надя. – Улица Карамзина, 117...

– Но это Карамзина, 111 «Б», – рассмеялась первая старушенция. – Вы не туда попали.

– О боже! – вскинулась Надежда. – Я же опаздываю... Извините и... спасибо за беседу.

В салоне автомобиля она упала на сиденье, закрыла глаза и долго полулежала без движений. Мысли... их было так много... Некоторые назойливо лезли на первый план, например, «один для тела, другой для денег». Сейчас этот формат отношений довольно-таки распространен, но девочка...

– Молодец, однако, – проговорила Надежда, вставляя ключ в зажигание. – Предприимчивая крошка, выдрала у папашки квартиру, машину, шмотки, без сомнения, тоже он покупает. Родной дочери, значит, – ни квартиры, ни машины, а шлюхе – пожалуйста. Ладно, миленькая, ты у меня пятый угол искать будешь. И ты, дорогой, попляшешь.

Она завела мотор и отправилась домой. Да, домой, в родное гнездо, а работа... Да к черту работу, к черту деловые встречи, бумаги, подписи, подчиненных, шефов – это сейчас ерунда. Надежде Алексеевне необходима пауза, чтобы хорошо все обдумать и принять правильное решение. Решение, которое не вернется к ней бумерангом.

4

Снова она...

– Зайдешь или подождешь в машине? – спросила Сати, остановившись во дворе, но не глуша мотор.

Константину нравилась ее манера говорить и не смотреть на собеседника, словно она разговаривает с вассалом, не достойным ее царственных очей. Улыбаясь, он рассматривал идеальный профиль с абсолютно прямой линией носа, плотно сомкнутые губы, приподнятый аккуратный подбородок и длинную шею. Не услышав ответа, Сати повернула к нему лицо, и Константин кивнул:

– Зайду. Пить хочется...

– Хорошо. Но сначала, будь добр, поставь машину в гараж. Да, и не забудь вызвать такси.

Выйдя из машины, она направилась к особняку, а Константин пересел на место водителя и наблюдал за ней. Сати плавно поднялась по ступенькам, зашла в дом, ни разу не взглянув в его сторону. Любая другая женщина раз десять оглянулась бы, пока шла к дому, и чего-нибудь изобразила лицом, давая понять, как равнодушна к нему. А Сати будто забыла про Костю, будто там, в доме, есть нечто гораздо более важное. Он заметил: когда она определяет цель, то четко следует к ней, не размениваясь на мелочи. Выходит,

Константин мелочь, раз ей не до него? Не очень приятная мысль, он как раз хотел бы иного отношения к своей замечательной персоне со стороны Сати. Красота, конечно, страшная сила, но тогда, когда полна безразличия. Вздыхнув, Константин вставил ключ в зажигание.

– Леся! – тем временем звала Сати, снимая пальто в прихожей.

– Здесь я! – прибежала домработница, экономка и сторожиха в одном лице, полнотелая, румяная, немногим старше самой Сати. Хозяйка не становилась на одну ступень с прислугой, в то же время предпочитая уважительное отношение, тем самым рассчитывая на беспрекословное подчинение.

– Принесите что-нибудь попить Константину. Он сейчас поставит машину и придет.

– А что именно? – спросила Леся. – Спиртное или...

– Или.

– Я компот сварила. Взвар. Без сахара.

– Отлично. – Бросив на столик под зеркалом перчатки, Сати осведомилась: – Где Элла?

– В мансарде, где ж еще!

– Вы проверили окна?

– А то! Оставила форточку открытой. Одну... ту, что высоко... и балкон заперла на ключ.

– Как она?

– Да хорошо. Никаких психов с капризами, покушала, про художника мне рассказывала... про этого... испанца...

– Эль Греко?

– Ага, – обрадовалась Леся, всплеснув пухлыми руками. – Никак не запомню. Еще смеялась... даже пела наверху. Я бы позвонила, если б что.

Сбросив туфли, Сати босиком поднялась на третий этаж, тихонько открыла дверь и заглянула в просторное помещение под крышей. Элла сидела на полу к ней спиной, собранные в хвост на затылке волосы цвета темного пепла доставали до пола, при каждом движении пряди вздрагивали.

Мансарда не разделена на комнаты, однако третий этаж имеет свой коридор и туалет с умывальником. Сама комната прямоугольная, из мебели – два дивана и кресла у стен, есть рабочий стол у окна и столик-бар на колесах, но вместо закусок и бутылок на его полках краски, карандаши, кисти. Под потолком матовый квадрат вместо люстры, дающий вечерами рассеянный свет, одинокий торшер – у двери, его переносят, если надо. Все. Нет ни занавесок, ни ковров, ни украшательства, да и уюта как такового тоже нет – слишком скупой интерьер. Впрочем, украшением можно назвать ассиметрично расположенные по стенам разной величины окна, которые создавали иллюзию огромного пространства, особенно когда комнату пересекали солнечные лучи.

Вокруг Эллы лежали листы бумаги, ярко раскрашенные красками и цветными карандашами. Она рассматривала свои рисунки, какой-то откладывала, брала другой, что-то сравнивала.

– Ну чего ты там застряла? – вдруг спросила.

Но не обернулась. Элла почувствовала Сати, узнала ее каким-то внутренним зрением. Такое часто случается с ней, поэтому не удивляло. Сати присела на пол рядом с Эллой и взяла один из рисунков, затем второй. Возможно, многие не поймут изображений, возможно, назовут их абстракционизмом, кубизмом, модернизмом или еще каким – измом, но в этих кричащих красках теплился некий тайный смысл. Во всяком случае, они воспринимались Сати на эмоциональном уровне.

– Ты прекрасно чувствуешь цвет, – задумчиво произнесла она. – Это редкое качество даже для профессиональных художников.

– Но непонятно, – сделала вывод Элла.

– А разве все должно быть понятно? Иногда живопись похожа на музыку, заставляет чувствовать, а не просто видеть. У тебя это получается.

Элла осталась безучастной к словам Сати, а она очень любит похвалу, только искреннюю, от всей души. И легко распознает обман. Сейчас сидела Элла с опущенной головой, значит, что-то с ней не так, Сати наклонилась и заглянула ей в лицо.

– Ты сердита? – догадалась.

– Да. Почему ты заставляешь эту корову следить за мной?

– Вовсе не заставляла.

– Врешь! – вспыхнула Элла, вскочив на ноги. – Она через

каждые полчаса поднимается сюда! А топает по лестнице, как стадо слонов, удирающее от охотников! И сует свой картофельный нос в мою мансарду! Смотрит своими крошечными мигалками, чем я занимаюсь. Дура.

– Она беспокоится о тебе.

– Скажи ей, чтоб прекратила! Беспокоится! Она меня бесит.

Элла бессмысленно заходила по периметру комнаты, четко обрисовывая повороты в углах, точно солдат на плацу. Так ходить она может бесконечно долго, однообразное движение охлаждает ее, но следовало помочь Элле пригасить возбуждение. У Сати была своя тактика, которая не подводила, сейчас она просто рассматривала работы, молча. Эта пауза нужна Элле, она прислушивалась к сестре, поэтому ждала, что та скажет, а в результате забывала о своем взвинченном состоянии.

Когда их видели вместе, что случалось редко, люди невольно громко выражали восхищение. Обе необыкновенно красивы, словно ожили две богини из древних мифов, и, как правило, почти все отмечали, что для родных сестер девушки не похожи друг на друга. Старшая – смуглая брюнетка с ярко-синими глазами, тонкими аристократичными чертами лица, она всегда спокойна и холодна, как Снежная Королева. Сати излучала внутреннюю силу и волю, потому далеко не каждый отваживался приблизиться к ней, полагая, что у этой штучки характер курвы.

Импульсивная, нервная, с перепадами настроения, белокожая Элла имела огромные карие глаза и крупные, детские черты лица. Она казалась совсем юной и хрупкой, беспомощной и надломленной, а еще удивительно непосредственной. Но некоторые видели в ней злющую зверушку, неуправляемую и бестактную. Элла зачастую шокировала народ дурацкими выходками и вульгарной прямоотой, для двадцатилетней девушки подобное поведение не делает чести. Однако всему есть объяснение, только далеко не всех следует вводить в курс дела.

– А этот очень удачный, – наконец сказала Сати, когда почувствовала относительный покой в состоянии сестры. – Интересно, кто подсказал оттенить акварель карандашами?

– Сама попробовала, – буркнула Элла.

– Любопытный ход. Необычно, но... впечатляет. Ты разрешишь повесить эту работу в гостиной?

Элла опешила, подошла к Сати, взглянула на рисунок. Собственно, краски праздничные, но сюжет удручающий: расколотое пополам дерево, в разломе видно солнце, лучи которого прорываются сквозь ветки. А вместо листьев... человеческие глаза – трепещущие на ветках, падающие на землю от ветра. В этом странном хороводе летают и вороны... Мрак, сплошной мрак. Но красочно. Полное несоответствие содержания с воплощением.

– Мне не нравится, – категорично заявила Элла, кстати, возбуждение ее прошло. – А вообще... как хочешь. Скажи

корове, чтобы не закрывала здесь балкон!

– Она это делает по моей просьбе, – невозмутимо сказала Сати. – Ты забыла, как однажды вылезла за ограждение?

– Мне хотелось понять воздух...

– Ты могла упасть и разбиться насмерть. Я чуть не умерла от страха за тебя. Извини, меня ждут внизу.

Сати поднялась с пола, не забыв прихватить работу. Обещания нужно выполнять, ведь Элла болезненно реагирует на забывчивость, воспринимая этот распространенный человеческий недостаток злонамеренным обманом.

– Она думает, я идиотка, – прошипела вслед сестре Элла.

– Леся? Если бы она так думала, то не работала б здесь. Не ищи повода для гнева, лучше нарисуй красивую картинку. Не хочешь поздороваться с Константином?

– Нет. Он мне не нравится.

– Как хочешь.

Сати выплыла из мансарды, не было слышно ее шагов по лестнице, так ведь она же воздушна, как лебединое перо. Опять тихо... Тихо, словно мир опустел. Уединение – норма для Эллы. Она сознательно искала место, где никто не потревожит ее, не навяжет свою волю, не заставит следовать глупым правилам. Правда, в этом доме ее никто не заставлял напрягаться, наоборот, строила всех Элла, поэтому работники в доме не задерживались – никто ведь не любит «застройщиков». Кроме Леси. Это гром-баба, ей щепку типа Эллы только так скрутить, а психологические удары она просто не

заметит.

Элла села на пол, но не за тем, чтобы заняться рисунками. Она скрестила ноги, переплела пальцы рук и стала раскачиваться взад-вперед, взад-вперед... Ее распирали эмоции, природу которых понять ей не было дано. Нечто внутри, живущее отдельной жизнью, иногда дремавшее – в такие часы и Элла отдыхала, – но чаще бесноватое, злобное, уродливое, требующее войны, властвовало над ней. А она сопротивлялась. Но боялась уродца внутри, догадываясь, что это и есть она сама, что сопротивляется – себе. Только вот в чем ужас: победить себя не удавалось, отчего становилось безумно страшно. Страх проникал в каждую клеточку, в каждый уголок тела, он множился... и, казалось, вот-вот разорвет кожу. Реально становилось больно. В один из таких моментов Элла вышла на балкон, перелезла через ограждение и смотрела вниз... Уродец внутри вдруг затих, он попросту испугался, что погибнет вместе со своей жертвой. И Элла поняла, что все же имеет власть над уродцем-врагом, что она способна уничтожить его. Но прибежала Сати. Она была очень бледной, в глазах дрожали слезы. Сати протянула руку и очень тихо (наверное, боялась, что сестра испугается резких слов и свалится вниз на сад камней) сказала:

– Держись... Я не дам тебе упасть.

А Элла хотела упасть! То есть хотела прыгнуть вниз и убить уродца. Но не желала сделать несчастной Сати – это было бы несправедливо. Она взялась за кисть сестры, та сжа-

ла ее пальцы с такой силой, что невольно Элла отдернула руку, но Сати крепко держала.

– Смелей! – приказала старшая сестра.

Элла вдруг почувствовала, осознала, насколько сильна власть сестры над ней, сопротивляться этой власти не возникло желания. Потому что зиждется власть Сати на любви, а любовь способна согреть и сталь. Когда Элла вернулась на балкон, сестра крепко обняла ее и попросила:

– Никогда больше так не делай, ладно?

Элла кивнула, что было равносильно обещанию. И не делала больше попыток понять воздух – как обманывала всех, впрочем, с тех пор балкон надежно закрывался на замки, а случилось это пару лет назад. Но мир меняется, менялась и Элла, все больше проявлявшая непокорность. У Сати огромный запас терпения, вероятно, данный запас тоже не бесконечен, а что потом? Элла понимала: нельзя становиться врагом тех, кто тебя любит, но как же трудно себя укрощать. И сейчас, стараясь укачать уродца внутри, чтобы он заснул, она тупо качала свое тело все быстрее и быстрее, пока не обессилела.

Когда Леся очередной раз заглянула в мансарду, Элла лежала на боку, свернувшись калачиком, и крепко спала. Прислуга взяла плед с дивана и накрыла девушку, а потом на цыпочках удалилась. Элла открыла глаза и наблюдала за неуклюжими попытками слоноподобной бабочки не нашуметь.

Дни идут, бегут... а ничего не меняется. Пятница, следом два выходных – на кой они нужны? Конец рабочего дня последнее время не радовал Болотова, он придумывал причину и задерживался, утопая в работе. Вообще-то, дел всегда хватает. Валерий Витальевич приоткрыл дверь кабинета и заглянул в приемную. Заглянул на секунду, надеясь, что секретарша не успела уйти, хотя он отпустил ее минут десять назад, но она же копуша. А на диване в приемной сидела молодая женщина, закинув ногу на ногу и низко склонив голову над страницами глянцевого журнала. Нечто знакомое почудилось в изящной фигуре, но Валерий Витальевич не понял, что именно, захотелось увидеть ее лицо, поэтому он спросил:

– А вы?.. Простите, вы ко мне?..

Она подняла голову...

– Вы?! – Болотов остолбенел. – Это вы?!

– Простите? – не поняла она.

– Хм! Вы так часто врзаетесь в автомобили, что не помните, в кого и когда врзались?

– А... – невозмутимо протянула она и оказалась верна себе: ни раскаяния, ни хотя бы смущения, вообще никаких эмоций. – Нет, я помню. Здесь мало света, поэтому не узнала вас.

– А что вы делаете в моем офисе? – строго спросил Болотов. – На работу решили устроиться?..

– Папа, это Сати, моя подруга, – перебил вошедший Константин и, естественно, представил ей Болотова: – А это мой отец Валерий Витальевич.

– Очень приятно, – пропела она.

Болотов не обменялся взаимными любезностями, полагая, что дорожная террористка вдобавок лгунья. Ну, в чем приятность – встретить человека, машину которого покалечила? Какая злая улыбочка судьбы – снова столкнуться с ней, да еще в собственном офисе, к тому же вместе с сыном! Вероятно, его лицо приобрело неподобающую гримасу, потому что Костя незаметно толкнул папу в бок, но тот не понял намека, дернулся и оглянулся на сына. Выручила Сати, улыбнувшись:

– У Валерия Витальевича со мной связаны неприятные воспоминания, поэтому он так растерян.

– Я вовсе не растерян, – буркнул Болотов, хмурясь.

– Да? – изумился Константин. – А что случилось?

– По дороге расскажу, – сказала Сати, следом напомнила ему: – Нас ждет такси.

– Папа, мы заскочили на минутку, я завез пакет документов, которые передал адвокат. Думал, ты уже ушел, раз на месте нет секретарши, и положил документы в сейф. Принести?

– Нет, завтра посмотрю.

– Тогда мы убегаем.

– Куда? – спохватился Болотов, как будто перед ним подросток, нуждающийся в постоянном контроле.

– На презентацию, папа, – охотно ответил Костя. – У нас открылся индийский ресторан, мы едем на дегустацию кухни.

– М-м, – понимающе, но мрачно произнес Болотов. – Желаю удачно провести вечер. Не забудь, завтра сбор на даче.

– Помню. Мы с Сати тоже будем.

Константин живо подхватил под руку дорожную бандитку и увлек к выходу. Болотов присел на стул секретарши несколько потерянный. Собственно, чего он так реагирует? Как на близкую катастрофу! Костику тридцать лет, до сих пор не женат, хотя взял все лучшее от матери и отца. И так, у сына появилась подруга... Нормально. Вообще-то, у Кости подруг было много, парочка из них серьезно претендовала на штамп в паспорте, только вот сынок не спешил обзавестись семейными кандалами. М-да, никогда еще Константин не смотрел на женщин такими преданными глазами служебной собаки... Но папе что-то подсказывало – эта женщина не из категории «жена-мать», ее трудно (или даже невозможно) представить кормящей грудью младенца или колдующей у плиты.

Рассуждения о судьбе родного отпрыска прервал звонок. Глянул на дисплей – доченька Марьяна, можно с уверенностью сказать: опять потребует денег. Вот кого любил без па-

мяти Болотов – так это Марьяну, но, как утверждает народная мудрость, излишек любви идет не на пользу деткам. Не ответил.

Следом раздался второй звонок... Инночка. Он столько пропустил ее звонков, что трубку брать уже как-то неловко. Что сказать ей? Дескать, у него депресняк, это такая штука – как тяжелое похмелье, только разница есть и большая: перепой наутро снимается рюмкой водки, а состояние тоски ликвидировать нечем.

Ну, кругом обвал! Нюша вся какая-то не такая, не поймешь, чего ей надо. Теща – овощ, ставить ее на ноги врачи не хотят, выписывают, теперь предстоит нанять сиделку, дома постоянно будет чужой человек. К счастью, пока пару месяцев теща вместе с сиделкой поживет на даче. Костик себе на уме, дочь Марьяна зациклена на собственной персоне, хамит всем подряд – откуда это у нее? А младшенький... как сорное растение причем, колючее. Еще и Инна!

Не взял трубку. Чувствовал себя слабаком, мерзавцем и чудачком на букву «м». Пришла эсэмэска. От Инны. «Прошу тебя, возьми трубку, это очень важно. Меня пытались убить».

– Это еще что! – не поверил Болотов и жутко разозлился. Выбирая номер на айфоне, он впервые готовился выдать Инне по первое число. – Ну, дает... Совсем ополоумела. Это уже все границы переходит... Алло, Инна? Что за бред ты накатала? Я ушел с совещания...

– Валера, меня вчера хотели убить!

Она плакала. Валерий Витальевич все равно не поверил ей, считая, что это неудачная уловка капризной девчонки, которая маниакально хочет замуж за него. Да, он любит ее, привык к ней, но жениться... че-то не хочется.

– Малышка, это новая форма шантажа?

– Какой шантаж! – закричала в трубку она. Болотов ни разу не слышал, чтобы прелестная Инночка безобразно орала на манер пошлой истерички. – На меня напали... то есть напал... он был один. И это второй раз! Я возвращалась от подруги... на такси...

– Почему на такси?

– Потому что было поздно.

– Я про машину...

– Она в ремонте, завтра заберу. Я вошла во двор, тут на меня и бросился какой-то тип... Он порезал мне плечо чем-то острым... Наверное, в лицо целился, но во дворе было темно, может, поэтому промахнулся. Я отбивалась. Он бил меня, я упала, тогда он навалился и начал душить. Я думала, мне конец пришел! Но тут из подъезда вывалила подвыпившая компания и... он убежал. В общем, мне повезло... Валера, мне страшно! Я звоню тебе, а ты не берешь трубку!

Нет-нет, она не разыгрывала его, Инна серьезно напугана и сейчас в угнетенном состоянии. Придурков, конечно, много развелось, но она намекнула, что это не случайность.

– Ты сказала, это второй раз. А первый когда был?

– Неделю назад. Ты был утром у меня, если помнишь, а накануне вечером я ждала твоего звонка и гуляла... за мной погнался... думаю, этот же тип гнался... Мне показалось, он вчера специально ждал меня во дворе.

– Почему не рассказала неделю назад, что за тобой кто-то гнался?

– Что рассказывать? От подобного случая не застрахована ни одна девушка, даже школьница – разве мало на улицах ненормальных и пьяных пристает? Убежала и убежала, а потом забыла.

– Странно.

Ему больше нечего было сказать, ведь данному явлению объяснения нет. Болотову не верилось, что некий человек специально поджидал Инну, чтобы убить. А каковы причины? Да это вообще бред со страху.

– Ты видела его? Может, тот парень в тебя влюблен и...

– Я не видела его лица! – нервно перебила Инна. – Он был в маске.

– В маске? Что за маска?

– Не знаю. Непонятно... Вероятно, надел колготки. И говорю же тебе: он пытался меня убить! Не изнасиловать, а убить! Понимаешь разницу? Сначала поранил, потом душил. Повалил на землю и душил! Какой влюбленный будет так поступать?

– Странно...

Болотов не знал, что и думать. Все равно до конца ему не

верилось в нападение, а «убить» звучит совсем неправдоподобно. При всем при том, зная Инну и слыша неподдельную панику в ее голосе, Болотов не посмел уверять, что страхи девушки ерунда. И если допустить, что она права, возникает масса вопросов, первый, что пришел в голову, он выдал после паузы:

– А у тебя ни с кем серьезных конфликтов не было?

– Этот вопрос я хотела тебе задать.

– Значит, не было... – задумчиво произнес Болотов. Не любил он неясных ситуаций, впрочем, их никто не любит, но решения Валерий Витальевич принимал по привычке быстро. – Так... сейчас я не могу приехать...

– Но мне плохо! – разревелась Инна. – И страшно...

– Не перебивай! – рявкнул он в трубку, потеряв выдержку. – Выслушай сначала! Сегодня мы забираем тещу и отвозим ее на дачу. Субботу и воскресенье мы будем там, нужно обустроить быт для нее. Я приеду в понедельник вечером, тогда обо всем переговорим, проанализируем и решим, что предпринять. До этого времени ты из квартиры – ни ногой... И на балкон не выходи, раз тебе страшно. Никому не открывай. Если что-то понадобится, звони, я найду способ доставить все необходимое. Хорошо?

Он терпеливо ждал конца паузы, которую завесила Инночка, что-то мешало ей сказать «хорошо». То есть она не согласна с его предложением? Мысль обожгла неприятным открытием: Инна выходит из-под контроля, проявляет строп-

тивность, а ведь еще недавно дышать боялась при нем. Но то, что она робко выдала спустя минуту, привело его в шок:

– А твоя жена не могла нанять человека, чтобы он... чтобы...

– Убил тебя? – резко бросил Болотов. – Ты с ума сошла! Не смей так думать! Этого не может быть, потому что быть не может никогда! Ты поняла? В понедельник вечером я буду. Я все сказал!

– Подожди, Валера, у меня еще есть новость...

Болотов был так зол, что отключился от связи. В наказание не дослушал новости, иначе девочка потеряет чувство реальности.

– Ничего, переживет, – ворчал он, не находя в кабинете места, а расхаживая по нему с чувством досады. – Черт знает, что придумала! Я все понимаю, но есть же предел большому воображению! Зачем я пообещал бросить Надю? Кто тянул меня за язык? Инна, конечно! Любовь – это красиво, приятно, а мозг зачем? Четыре года было все отлично, но как только дал обещание покончить с двойной жизнью, эйфория испарилась. Ничего, Инне тоже полезно подумать.

Уикенд почти святого семейства

Опасаясь дождя, стол накрывали на веранде, отделанной деревом в деревенском стиле, но с современными панорамными окнами, а готовили на лужайке перед домом. В мангале трещали дрова, пламя от них подпрыгивало довольно высоко, разбрасывая искры. Тандыр закрыт со всех сторон, но аромат восточных лепешек из него особенно чувствовался в свежем воздухе, не отравленном выхлопными газами. Заведовал адской кухней Богдан Петрович, ловко укрощая огонь в мангале и колдуя над тандыром. Помогал ему бойфренд Марьяны – несколько бесцветный молодой человек, с незапоминающейся внешностью, но с большими амбициями. Кирилл внедрился в «административный ресурс» – как сам выражается, подает большие надежды и очень услужлив.

Надежда Алексеевна хлопотала у стола, честно говоря, без особого энтузиазма, скорее, по привычке делала свое женское дело добротнo. Из-за отсутствия стимула не приглашали гостей, только своих. «Свои» тоже не в радость, Нюша Алексеевна, любившая раньше делать праздник из будней, сейчас не понимала, зачем этот сбор людей, не имеющих точек соприкосновения. Привычка? Значит, ее жизнь превратилась в автоматическое исполнение обязанностей, будто за

это она получала зарплату.

Рыжая Марьяна, с длинными, мелко завитыми волосами, с неохотой подносила посуду, в свои почти двадцать пять она ужасно устала от всего. Отсюда и пренебрежительно-брезгливая гримаса приросла к ее личику, подпортив красивые черты. Любимица Болотова уникам: умудрилась окончить юрфак, практически не учась, добрый папа экзамены проплатил. Но она не дура, отнюдь. В житейском плане Марьяна ас, имеет безупречный вкус, лучше никто в семье не разбирается в модных брендах – ей не подсунешь ширпотреб, она умеет тратить деньги (на себя, естественно, и предпочтительно чужие). Марьяна с ходу определит, чья строчка на сумке – английская, итальянская или французская, разоблачит фальшивку, определит на глазок количество карат в камне. Папа открыл юридическую консультацию, нынче без знания законов и умения их обойти – никуда, дочь виделась ему правой рукой, но она оказалась в этом плане безрукой. К счастью, в консультации работают умные и продвинутые юристы, а Марьяна... она руководит ими, ведь руководить – не по судам бегать, обеспечивая клиенту победу (или проигрыш).

Артем ничего не делал, даже когда его просили. Он сидел, сгорбившись, в плетеном кресле-качалке у цветника, уткнувшись в планшет. Волнистые волосы полностью закрыли лицо, долговязая фигура изобиловала углами – будто мальчик (однако мальчику двадцать два года) всю жизнь

недоедал, но главное его свойство – искренне удивляться, когда от него что-то требовали.

– Артем! – позвала мама, мальчик – ноль эмоций. – Артем, поднимись к бабушке, посмотри, как она.

– Ща, – пообещало дитя и не пошевелилось.

Еще один полубездельник слонялся по даче – Болотов. То дровишек наколет, то что-нибудь принесет другу Богдаше, а чаще стоял, сунув руки в карманы джинсов, и о чем-то напряженно думал. Бывало, ловил на себе суровый взгляд жены, потрясающе старивший ее. Валерий Витальевич отворачивался, злясь: уж лучше б высказала претензии, чем многозначительно молчит.

На веранду Марьяна принесла поднос с бокалами и стаканами для воды, поставила на край стола.

– Где Костя? – осведомилась Надежда Алексеевна.

– Побежал встречать новую подружку, – ответила Марьяна, расставляя бокалы. – Боится, что она заблудится. Не узнаю родного брата: знаком с ней целый(!) месяц и уже(!) показывает родне.

– Видимо она ему нравится, – сделала вывод мама, правда, очень уж равнодушно, что насторожило Марьяну:

– Ма, тебя совсем не волнует, кого наш мачо притащит в дом после месячного знакомства?!

– Вот и посмотрим.

– Странная ты сегодня... А если он приведет мошенницу, авантюристку, воровку, охотницу за состоятельными мужи-

ками?

– Ты такого плохого мнения о родном брате? Полагаешь, Костя не разбирается в людях и его легко обмануть?

– Я просто знаю современных девиц. К тому же раньше он не знакомил нас с подружками, с которыми спит, чего это ему сейчас вздумалось?

Надежда Алексеевна обладала завидным терпением, особенно что касается детей, но сегодня она не настроилась на волну благодущия. Сегодня ее все выводило из себя и больших сил стоило держать язык за зубами, а эмоции на замке. Как ни странно, меньше всего доверия было между нею и Марьяной, они как две противоположных субстанции отталкивались друг от друга, в народе говорят – кошка между ними пробежала. Стычки случались часто, длились недолго. Только материнское терпение помогало избегать масштабных конфликтов, а доченька очень старалась взорвать почти святое семейство. Но к этому субботнему дню Надежда Алексеевна чертовски устала, посему не намерена терпеть выходки дочери. А Марьяна способна ляпнуть все, что взбредет в ее неумную головку, не стесняясь ни своей глупости, ни выражений. И тогда Косте (кстати, любимому сыну) будет стыдно за сестру и семью перед гостями. В сердцах Надежда Алексеевна бросила полотенце о стол, подошла к дочери и очень тихо отчеканила:

– Значит, намерения у него серьезные. Тебе-то что? Ты еще не видела его гостью, а уже создаешь о ней негативное

общественное мнение. Со своими кавалерами разбирайся, поняла? Хотя скоро ни одного не останется, Кирилл тоже убежит, от тебя все парни убегают.

– Я сама их бросаю, – прошипела оскорбленная Марьяна. – К сожалению, мне еще не встретился такой, как мой папа.

– Не обольщайся, бросают тебя. Тебя – красивую, стильную, обеспеченную – и бросают. Я могу объяснить – почему, но не сейчас, позже. Впрочем, тебя вряд ли убедят мои слова, ты не способна слышать. И все-таки прошу тебя услышать сейчас... нет, требую! Не смей рот открывать, пока у нас будут гости Костика. Я тебе не твой папа...

– А что ты мне сделаешь? – вызывающе спросила дочь.

– Увидишь.

Мать произнесла «увидишь» с такой убежденной силой, что перевода, собственно, с русского на русский не требовалось. Марьяну шокировала внезапно возникшая отчужденность матери, она не понимала, с чего это вдруг родительница взбеленилась. В их семье мама самый выдержанный, спокойный и компромиссный человек, она – фундамент и потому крепка, как бетонная плита. Дочь, конечно, не подарок, Марьяна постоянно выступает в роли провокатора, но не специально. Характер у нее такой. Надежда Алексеевна к выходкам дочери относилась снисходительно, срываясь редко и беззлобно. Сегодня Марьяна не узнавала ее. Значит, кто-то пробил брешь в бетоне. И дочь догадывалась – кто.

Как нельзя кстати послышался звук мотора, и Марьяна, глядя в холодную лазурь глаз матери, пошла на мировую первой, чего практически не случилось:

– Машина. Идем на смотрины?

– Я рада, что мы договорились, – сухо произнесла мать.

В ту же минуту Валерий Витальевич повернулся на звук мотора – у ограды затормозила иномарка, но не та, что «поцеловалась» с автомобилем Болотова, другая, красная, как пожарная машина. Болотов усмехнулся: угадал ведь – папа девочку балует. Марьяна и Надюша вышли на площадку перед домом встретить гостью, да не одну, с ней приехала прелестная девчушка – беленькая, ладненькая, с глазами пугливой лани.

– Знакомьтесь, это Сати, – радостно сообщил Константин. – А это ее сестра Элла. Девочки, не стесняйтесь, проходите...

Марьяна стояла немного за спиной Надежды Алексеевны, не съехидничать она просто не могла, подозрительно быстро забыв инцидент на веранде:

– Наш Костик похож на идиота.

– Прекрати, – бросила через плечо мама.

Дочь не отличалась послушанием, да и воспитанностью не всегда блистала, к великому огорчению родителей, она не преминула заметить:

– Машина так себе, но шмотье на обеих не абы что. Это приятно, а то наш Костик вечно подбирает нищевродов.

– Не забывай, твоя мать тоже из нищевородов в люди выбилась, – буркнула Надежда Алексеевна, иронично выделив «в люди выбилась».

Пару минут спустя Константин подвел к ним гостей:

– Это моя сестра Марьяна, а это... наша мама.

– Очень приятно, – негромко произнесла Сати, глядя прямо в глаза Надежде Алексеевне. – У тебя, Костя, красивая мама. Вам нужна помощь?

– Совсем немного, – интонацией гостеприимной хозяйки сказала Надежда Алексеевна. – Костик, поручи Элли своему непутевому брату, пусть хоть что-то сделает полезное. А сам сходи наверх, посмотри, как там бабушка. Идемте, Сати. У вас красивое имя, но...

– Непривычное? – подсказала гостя, поднимаясь по ступенькам на веранду за хозяйкой. – Имя дал дедушка, он был татарин, имена подбирал по своим правилам.

Марьяна в душе порадовалась, что ей нашлась замена у стола, и присела отдохнуть на верхнюю ступеньку у входа на веранду, наблюдая, как старший брат отвел Элли к Артему, взяв за руку, словно безропотную овцу. Дальше сцена получилась комической: Артем, уткнувшийся в планшет, даже головы не поднял, а девушка, постояв перед его креслом и не получив никакого знака внимания, села прямо на траву, скрестив ноги. В это время Константин шагал по ступенькам, видимо, шел к бабушке, Марьяна задержала его угрюмой фразой:

– Где ты откопал этих девиц, братец?

Константин поставил на верхнюю ступеньку ногу, скрещенные руки уложил на колено, наклонился к сестре и, улыбаясь, елейно спросил:

– Не понравились?

– Не знаю.

– Не любишь, когда кто-то красивей тебя, одет стильно...

– Бред, – хохотнула Марьяна. – Вы все договорились сегодня злить меня? Ты хоть заметил, что она примерно твоего возраста?

– Старше на четыре года, – улыбался Константин. Сестричка вытаращила глаза и присвистнула в знак неодобрения:

– Ей тридцать четыре?! Тебе досталась старая дева.

– Не переживай, я пока не женюсь на Сати, но... с твоей подачи обещаю подумать.

Он задорно подмигнул сестре и ушел в дом, напевая. Что на это могла сказать Марьяна? Жаль, он не слышал:

– Ну и дурак.

Тем временем на веранде, заканчивая сервировку стола, Надежда Алексеевна придирчиво присматривалась к новому лицу, которое сын Костя ввел в ближайший круг семьи. Обычно он не знакомит своих девушек с родными. Про себя она признала: Сати, бесспорно, хороша, но хотелось бы, чтоб девушки сына были помладше. Эта молодая особа производила впечатление опытной женщины во всех направлениях жизни и не стремилась выглядеть на детские года. Са-

мое интересное, она подчеркивала одеждой и манерами, что ей не двадцать лет, а столько, сколько есть. Разумеется, маму заинтересовало, из какой семьи сестры:

– А кто ваши родители, Сати?

– Отца у меня не было...

– Такого быть не может, у всякого человека есть отец, – снисходительно улыбнулась Надежда Алексеевна.

– Биологический отец, конечно, есть, но я о нем ничего не знаю. А мама была учительницей. Ой, сейчас покажу... Вот моя мамочка, смотрите...

Сати сняла с шеи цепочку, любопытная деталь – на золотой цепочке болтался старый, потертый, поцарапанный медальон, и, похоже, медный. Если учесть, что Сати упакована в брендовые вещи, непрезентабельный медальон смотрится убогой инородной деталью. Странно. Сати открыла его и протянула хозяйке, когда та взяла, то едва удержалась, чтобы не сморщить нос.

Портрет молодой женщины не впечатлил Надежду Алексеевну – настолько заурядная внешность у мамы Сати. Откуда же взялись две красотки дочери? Гены-то пока еще никто не отменял. Остается догадываться, что биологический папа Сати был просто ах, ну и слава богу, видимо, переспал он с мамой и быстренько отчалил. Правда, осталось загадкой – на что он прельстился, впрочем, всякое бывает, особенно по пьяни. Ну а вторая девочка родилась от другого залетного парня? В общем-то, история мамы Сати тоже заурядная,

как и ее внешность. Тем временем Сати на полном серьезе спросила:

– Нравится?

На дурацкий вопрос Надежда Алексеевна ответила уклончиво:

– Видно, что ваша мама хороший человек.

– Да, она была просто сама доброта и очарование.

– Была? – подняла брови хозяйка дома.

– Мама умерла много лет назад. Это очень старая фотография.

– Ой, простите, я не хотела напомнить...

– Ничего страшного, я все равно о ней помню всегда. Перед ответственным шагом думаю, как бы мама поступила или что посоветовала мне. Если верить эзотерическим учениям, у нас с ней осталась ментальная связь.

Глядя в ясные, как южное небо, глаза гости, Надежда Алексеевна поймала себя на мысли, что голос у Сати убаюкивающий, подчиняющий, даже берущий власть над человеком. Может, она владеет гипнозом? Вдруг эта хитрая девица, ищущая богатых мужчин и знающая о своих способностях, сознательно загипнотизировала Костика – завидного жениха? Сердце матери беспокойно забилося. Ну вот смотрит – словно сию минуту проглотит с милой улыбкой!

– Вам не трудно позвать всех за стол? – отвернулась от «гипнотизерши» Надежда Алексеевна, занявшись неотложным делом – бумажными салфетками, которые вставляла в

стаканчики.

– Конечно.

А походка... не идет, она несет себя, можно подумать, Сати является наследницей престола. Надежда Алексеевна, искося поглядывая на нее, решила, что подруга сына ей не нравится и не подходит ее блестящему мальчику.

* * *

За столом атмосфера господствовала натянутая, вежливо-искусственная, это заметил даже такой нечуткий человек, как Артем. Юноша скользил скучающим взглядом по лицам, не узнавая любимых родственников – откуда у них взялась чопорность, неразговорчивость, псевдоделекатность и куда делись простота со свободой? Пожалуй, только два человека были естественным бельмом на глазу – Богдан Петрович и Элла. Эти сидели рядышком, дядя Богдан галантно ухаживал за девушкой, они не заботились о том, как выглядят, кайфовали от блюд, тихонько, но весело ворковали. К вечеру от изобилия еды и возлияния устали все, Артем толкнул локтем Эллу и предложил:

– Пошли, покажу достопримечательности?

– Я должна спросить разрешения у сестры, – поднялась Элла.

Юноша офонарел! Девочка совершеннолетняя, а спрашивает разрешения – это как? Ну и ну. Он терпеливо подождал,

когда старшая сестра, оценив его мимолетным взглядом – способен ли парень защитить принцессу Эллу, кивнула, дескать, иди. Ребята вышли на улицу, тонувшую в сумерках, прохладную, как после дождя.

– А что ты хочешь показать? – поинтересовалась Элла.

– Ручей.

– Не поздно?

– Это рядом.

– Почему ты злой? – подметила Элла. – Я тоже бываю злой, но когда есть причина. Твоей причины я не видела, значит, ты всегда злой.

Подметила, между прочим, укоренившееся состояние Артема, дома он всегда в таком состоянии, однако он полагал, что при своих протестантских выходках выглядит иначе – смело, креативно, вольно. Но сегодня ни словом, ни делом юноша не осквернил семейных смотрин – почему-то ему так показалось, однако Элла разглядела его, как мошку через лупу. Натягивая свитер, уличенный Артем буркнул, в сущности, оправдываясь:

– Не терплю притворства.

– А кто притворялся?

– Да все. Не ужин, а копеечный бомонд. Твоя сестра задала тон.

– Сати никогда не притворяется, она такая и есть.

– Не может быть. Все особи одинаковые, только разыгрывают разные роли, которые они выбрали, надеясь, что так

легче достичь цели.

– Самых близких людей называешь особями? Странно. Тебе повезло, ты имеешь хорошую и любящую семью, но, кажется, для тебя это сущий пустяк. А кто ты есть? Тоже особь? Или ты из другого материала сделан? Кто ты, скажи?

Артемка попал впросак, своими простецкими вопросами Элла вогнала его в краску – хорошо хоть, этого не видно из-за сумерек. В самом деле, сказать, что он другая субстанция, отличная от убогого человечества и тем более родных, – это будет наглým заявлением, вызывающим гомерический хохот. Что-то другое выдать, умное и креативное, – а что? Он правда не знал, как ответить, чтобы взобраться на недосягаемую высоту и взирать оттуда на глупую Эллочку. Ловят на слове, а она поймала его на молчании:

– Вот видишь, ты не знаешь, кто ты есть, а осуждаешь тех, кто тебя любит, с позиции совершенства. Извини.

Совсем неожиданный поворот: она пошла назад, предоставив ему возможность поразмышлять над глобальным вопросом – кто он есть.

– А ручей? – выкрикнул Артем ей вдогонку.

– Не хочу, – бросила Элла через плечо. – Ты мне неинтересен.

У Артемки глаза вылезли из орбит, а нижняя челюсть отскочила аж к пупку! Ни одна девчонка так с ним не поступала, да что она себе позволяет! М-да, не произвел он на девочку впечатления сверхчеловека – всевидящего и всезнаю-

щего. Обидно.

Между тем за столом разговорились, это произошло благодаря Марьяне, задавшей невинный вопрос гостье:

– А чем занимаешься, Сати? Ты же где-то работаешь?

– На данный момент благотворительностью, – ответила гостья. – Это тяжелая работа, хотя дохода не приносит.

– Тяжелая? А в какой области ты творишь благо?

– Я... не одна, конечно... мы помогаем детским домам.

– Детским домам? – оживилась Надежда Алексеевна. – А почему детским домам? Есть же инвалиды, старики...

– Дети – самые незащищенные создания, они нуждаются в человеческом тепле, внимании, любви. Кто все это способен дать тем, у кого нет главного – родителей? Нас с Эллой воспитывал дедушка, он был очень строгим и хотел, чтоб мы, когда его не станет, были готовы к жизни без него. Он болел, поэтому боялся, что уйдет раньше, чем я повзрослею. А любви, маминой любви, нам не хватало, хотя дедушка любил нас. Сейчас мы доводим до ума медпункты.

– И все? – допытывалась Марьяна. – Это вся твоя работа?

– А как бы мы с сестрой жили, если б это было – все? – кинула встречный вопрос Сати. – У меня есть собственное дело...

– Парикмахерская?

Константин бросил в сторону сестры уничтожающий взгляд, остальные притихли, чувствуя неловкость. И дураку понятно, что Марьяна оскорбила гостью, в ее представлении

сапожник, парикмахер, официант – это полный отстой, свое отношение к «отстою» она не то что не скрывала, а демонстрировала. Разумеется, данная позиция не от большого ума, тем не менее ставила в неловкое положение окружающих. К счастью, Сати, наверняка заметившая шпильку, отнеслась к ней с достойным безразличием:

– Нет, мое дело проще – я же руковожу.

На реплику гости хихикнул глава семейства, ведь Сати, не желая того, нанесла удар в самое больное место дочери. Не раз он ругался с Марьяной по поводу ее «руководства» – как с гуся вода. Зато сейчас дочь мстительно прищурилась, обещая папе в недалеком будущем проблемы. Когда же она снова уставилась на Сати, готовя очередной каверзный вопрос, Константин решил выправить ситуацию:

– Вы не слышали, как Сати поет! Споешь? Ну, пожалуйста.

– Хочешь сказать, здесь стоит рояль в кустах? – спросила гостя.

– Рояля нет, а гитара имеется, – поднявшись с места, сказал Константин. – Шестиструнка. Наш Артемка бренчит. Я принесу, м?

– Неси.

Пару минут спустя она настраивала гитару, предупредив:

– Константин сильно преувеличил мои способности, но я люблю петь. Для себя, конечно. Прошу не судить строго. – На веранду пришла сестра, увидев ее, Сати замахала руко-

кой, привлекая внимание девушки. – Элла, сядь рядом, сможешь мне. Вот у моей сестры красивый голос... Что будем петь?

– «Не искушай...» – упав на стул, который уступил Константин, заявила хмурая Элла.

– Русский романс, – на всякий случай пояснила Сати, вероятно, для таких «продвинутых», как Марьяна. – Извините, но репертуар у нас специфический, не всем по вкусу. Начнем, Элла?

Та кивнула. Сати взяла несколько аккордов, потом сделала небольшое вступление... и сестры запели на два голоса. У старшей высокий тембр, у младшей – низкий, вместе оба голоса звучали довольно неплохо, можно сказать, профессионалам не уступали. И Богдан Петрович после окончания романса поспешил выразить восторг, аплодируя:

– Девочки, это было великолепно. А еще?

Удивительное дело – сестрички не ломались, обе были доброжелательны и настолько просты в общении, естественны в проявлениях, что складывалось впечатление, будто они здесь свои с давних пор. Но одна общая черта девушек всех удивляла: мера. И в доброжелательности, и в простоте, и в общении – во всем присутствовала мера.

Попели, еще поели, выпили кофе-чаю, пора настала заканчивать уикенд. Женщины убрали со стола, Костя с Кириллом растаскивали по комнатам стулья, Артем сидел надутый в углу, а Болотов с Богданом Петровичем вышли во

двор подышать воздухом. Вечерами здесь особенно хорошо, и притом в любое время года. Удаленность от города дает не только желанную тишину и покой, но и потрясающее ощущение пространства вокруг, которое никто не способен сузить. Казалось бы, это дивное место способствует выделению необходимого и неуловимого гормона счастья, однако друг Валера был невесел и неразговорчив.

– Как тебе Сати? – задал ожидаемый вопрос Богдаша.

– Слишком, – непонятно выразился Болотов.

– А что сие короткое слово означает? Извини, с метафорами не дружу, я натура упрощенная.

– Слишком красивая, слишком холодная, слишком стильная, слишком независимая. Вряд ли Косте по зубам эта птица Гаруда.

Вместо того чтобы посмеяться, оценив удачное сравнение, Богдаша с серьезной миной погрозил пальцем:

– Валера, ты это брось...

– Что именно? – изумился тот.

– Глаз положил на Сати? – поставил диагноз Богдаша.

– Сбрендил, да? – рассердился Болотов. – Какой глаз! Буквально на днях, точнее, неделю назад она врезалась в мою машину! День был хуже некуда: Инна плешь проела, что больше не может жить в подполье, тещу в парке удар хватил, и эта... снесла мне фару. Как думаешь, приятно ее видеть?

Но сердитость не подействовала. Богдаша, предварительно и украдкой оглядевшись по сторонам и убедившись, что

рядом никого, приблизился к другу и шепотом процедил:

– Да я тебя как облупленного знаю. При виде красивой бабы у тебя портится настроение – раз. Ты обязательно высказываешься о ней негативно – два. И последнее – смотришь на нее глазами голодного дракона. Есть еще мелкие факторы, подтверждающие: ты на охоте. Не забудь только, охотник: Сати нравится твоему родному сыну. Надеюсь, ты услышал меня.

Хотел было Болотов возмутиться, да, немного подумав – совсем чуть-чуть, решил для начала уточнить:

– Что, я действительно... все это проделываю? – Богдаша лишь утвердительно закивал. – Хм... Тебе показалось.

– Я не женщина, чтобы мне что-то там казалось, – отрубил Богдаша. – Знаешь, дорогой друг Валера, с возрастом ты стал читаем, как букварь. Если раньше хотя бы придерживался подпольных правил, то сейчас... Думаю, не только я такой наблюдательный, у тебя умная жена, умные дети. Когда ты успокоишься, старый пень?

Болотов задумался. Вот так в лоб ему никто не скажет, кроме Богдаши, хотя далеко не все он видит правильно. Но, может быть, стоит прислушаться к нему? Ведь что-то внутри Валерия Витальевича бьется и трепещет в какой-то адской пляске, бросая его из одной крайности в другую. Они давно не говорили откровенно, то есть от прямых разговоров уходил Болотов, наверное, настал миг, когда ему нужно исповедаться.

– Знаешь, Богдаша... Нет, ты не так понял. Последнее время у меня состояние... как бы сказать... неудовлетворенности, что ли. Жизнь проходит. Она проходит безумно быстро, а я не все узнал, понял, испытал, достиг. Возможно, вообще не тем занимался, не то делал... Почему-то тяжело. Те, кого любил, стали раздражать, кого ненавидел и осуждал – привлекают... наверное, порочностью... тем, что они позволяют себе запретные вещи. И всегда со мной ощущение, будто я потерял свое законное место.

Богдан Петрович некоторое время глубокомысленно молчал. Этот мир ему представлялся большим подарком, где нет места пессимизму и уж точно не стоит размениваться на заурядные интрижки, когда столько неизведанного. Как врач он видел истинное горе, знал, в чем счастье, – в жизни. Да, счастье – чтобы жить. Не все это понимают. Если же эту жизнь искажают, как Болотов, то правомочен единственный совет:

– Валера, сходи к психиатру, у тебя проблемы.

– Ну, вот... – неожиданно рассмеялся Болотов. – Я тебе о возвышенном, а ты переводишь на низменные рельсы. Идем, нас зовут.

Прощание длилось недолго, выглядело поспешным. Поскольку Богдан Петрович был сердит и не хотел ждать.

Уже и огоньки автомобилей исчезли, и звуков работающих моторов не слышалось, а Болотов торчал на дороге, глядя в темноту, проглотившую два автомобиля. С веранды за

ним наблюдала Марьяна, периодически усмехаясь, впрочем, ей виден был только силуэт отца в белом вязаном свитере и светлых джинсах. Последнее время у нее с отцом установились неважные отношения, совсем не те, на которые она вправе рассчитывать. Дело в папе, а он пытается списать свою вину на нее, ищет поводы досадить, не отдает консультацию. В результате Марьяна не может влиться своим не очень дружным коллективом в солидную фирму и стать серьезной организацией под престижной вывеской.

– Что высматриваешь в темноте?

Надежда Алексеевна зашла на веранду, чтобы протереть стол, а тут статуя к окну приросла. Одно то, что Марьяна осталась ночевать на даче, а не рванула тусить в город со своим полуслугой-полукавалером Кириллом, несказанно удивляет – с чего бы это? Дочь не любительница загородной жизни. Короче, девочке что-то надо. И надо от папы.

– Высматриваю? – повторила Марьяна. – Нет, наблюдаю. За нашим папой. Стоит он, как сирота казанская, на дороге и смотрит вдаль, куда уехал дядя Богдаша... или кто-то еще.

Мать не отреагировала на «кто-то еще», а ей пора бы раскрыть глаза, но Марьяна не собиралась становиться открышкой. Вообще-то, вопреки мнению общественности, их благообразная семейка вся в трещинах, которые члены семейства мужественно замазывают улыбочками, заботой, дежурными фразочками. Марьяна еще рассуждала бы по поводу семейных трещин, но вошел папа, она направилась к

нему:

– Пап, мне надо с тобой поговорить...

– Не могу, – не останавливаясь, бросил он.

– Папа! Это очень срочно!

– Я сказал – нет. Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра разговоров у нас не будет, потому что знаю, о чем заведешь песню.

– Но папа!..

– Нет.

И ушел в дом. Пыхнув-фыркнув, Марьяна плюхнулась в угловое кресло, ее просто трясло, она не узнавала родного отца. А маме так и вовсе не стоило в этот плохой час влезать с советами:

– Что, не удалось на этот раз отца раскрутить? Значит, предложение твое никуда не годится. Ты прислушайся к нему, у него все-таки громадный опыт и он тебе не враг...

И вот тут, припомнив дневную стычку, после которой дочь превзошла себя и не довела ее до ссоры, а также копившиеся обиды на мать, Марьяна вскочила на ноги и уже не сдерживала себя:

– Ты хоть помолчи! Могла бы помочь, но от тебя дождешься! Учишь, учишь... Кому нужны твои советы? На себя посмотри, может, ты чего-то не понимаешь? Может, тебе стоит поучиться?

Естественно, Надежда Алексеевна тоже завелась, но она привыкла держать эмоции в узде. К тому же истерические

выплески у Марьяны не редкость, да и вечер вытянул силы, поэтому отреагировала она вяло:

– Девочке не дали игрушку, она рассержена, капризничает и грубит. Не пора ли повзрослеть?

– А тебе поумнеть, – агрессивно парировала дочь, но ее же понесло. – Почему ты лезешь туда, где ничего не понимаешь? Не видишь дальше собственного носа, а всем указываешь. Даже папа устал от тебя, поэтому его часто ночами согревают другие.

– Что ты сказала?

– Не притворяйся, что не знала... Хотя с тебя станется. Ха! Только набитая дура не видит, что ее муж спит с другими бабами.

Это был перебор. Надежда Алексеевна подошла к дочери, внимательно рассматривала ее черты, возможно даже, вопрос себе задавала: откуда она такая? При всем при том ответ мать должна знать, но она его не знала. И вдруг... хрясь! Марьяна инстинктивно схватилась ладонью за щеку. Запоздала Надежда Алексеевна с воспитанием, тем не менее пощечина – действенный метод даже в этом возрасте, хотя бы на будущее обозначит границы дозволенного. Но Марьяна урока не усвоила, пылая, как доменная печь, выговорила сквозь стиснутые зубы:

– Ну, мамочка! Ты пожалеешь об этой минуте. Обещаю.

Оскорбленная мамочка, бросив и тряпку, которой вытирала стол, в холеное лицо дочери, ушла в дом. Марьяна опу-

стилась в кресло, в котором сидела до драки, и кусала губы. Она не чувствовала себя победительницей и уже раскаивалась, что повела себя глупо, но поезд ушел. С другой стороны, пощечина...

– Это правда?

Марьяна подняла глаза – у двери стоял Артем. Значит, он все слышал... Но старшая сестра до упора будет делать вид, будто не понимает, про что он спросил:

– Что?

– Про отца?

– Ой, не делай из всего трагедии...

– Я хочу знать: это правда? То, что ты сказала маме?

Он стоял у стола такой строгий – прямо учитель гимназии из дореволюционной эпохи. А почему, собственно, от него надо скрывать, тем более когда он все слышал?

– Да, правда, – ответила она. – У нашего папы есть постоянная... м... вторая жена. Он купил ей квартиру, машину, наряжает... только в гости с ней не ходит и не водит ее по банкетам.

– Откуда знаешь?

– Пф! Благодаря мне она познакомилась с нашим папочкой, мы с ней в агитбригаде пахали на выборах... ну, знаешь – стишки и песни, мол, голосуйте за сволочь, которая обещает быть доброй. А на костюмчики денежки кинул наш папа по моей просьбе. Конечно, сначала он пришел посмотреть наши агитки и увидел Инночку. А как увидел, так и влюбил-

ся без задних ног...

– Не язви. Инна, говоришь? Я ее помню, ты, кажется, дружила с ней.

– Не я с ней, она со мной. Инка просто порхала вокруг меня! Учились мы на разных факультетах, представляешь, сколько усилий она тратила, чтобы со мной иногда поболтать? Мне в голову не приходило, что все ее ужимки ради отца. Потом вдруг перестала навязываться... нет, она стала избегать меня. Ну и фиг с ней, думала я. А у Инки тем временем появилась хорошая одежда... Представь, заявляется однажды в универ в норковом полушубке, как старая гримза. Ну, вкуса у нее никогда не было – деревня. Перед госами она из общаги переехала куда-то, а на экзамены приезжала на личном авто. Но как-то ехала я на такси, смотрю – машина отца на парковке, а в ней Инночка прохлаждается, потом наш папа пришел. Разумеется, я проследила за ними и выяснила, что у них и почем.

Артем уже не мальчик, но слова сестры шокировали парня. Его ограждали от проблем, собственно, в их доме ничего катастрофического не случилось, только бабушка начудила, зачем-то потащила в парк, где ее нашли полумертвой. Артем жил в единоличном комфортном мирке, а все, что за границами круга, он недолюбливал из-за предсказуемости, банальностей и скуки. Но оказалось, это его не пускали в свой мир мать с отцом и брат с сестрой, а в их круге... хуже, чем он полагал, совсем не айс.

– Ты дура, – наконец сказал Артем.

– Что?! – оскорбилась сестра.

– Маме не нужно было говорить. И угрожать не нужно было, глупо. Это ты еще не раз пожалеешь, вот посмотришь.

Он вышел из дома, у парня возникла потребность побыть одному, подумать. А Марьяна вызвала такси и вскоре уехала в город.

6

Самоубийство? Нет...

Понедельник прошел в обычном режиме, это же рабочий день, а на работе разнообразия маловато, в основном рутина. Пожалуй, лучшее время – часик после трудового дня, когда Болотов, развалившись в кресле, думал... обо всем.

В этот понедельник он задержался в кабинете надолго, строил предложения, которыми убедит Инну, что его решение благо, прежде всего, для нее. Не очень получалось. Да, он так решил – расстаться. Окончательно. Это самый удобоваримый вариант, вызревал давно. Просто когда Валерий Витальевич в объятиях Инночки и ему хорошо, он готов всех послать к чертовой матери ради нее, но стоит отъехать от дома девушки на полкилометра, магия заканчивается, остается послевкусие обмана. Да, он обманывал себя и Инну. Если уж и страдать, то одному человеку, а не всему семейству.

Только в девять вечера Болотов поднимался по лестнице, разговор предстоял тяжелый, но настроен он был решительно. В конце концов, Инночка молодая и хорошенькая, а он по сравнению с ней – похотливый старикан, которого околдовала ее молодость и доверчивая простота. Все лучшее у нее впереди, квартира есть, работу «не бей лежачего» подыщет – это он и скажет ей.

Разумеется, Болотов имел собственный ключ, его он вставил в замочную скважину, повернул всего один раз. Валерий Витальевич купил квартиру Инне, посему вправе являться, когда ему заблагорассудится, без предупреждений и звонков в дверь. Тем более сказал: в понедельник вечером. Но больше не звонил ей, не напоминал, когда именно придет, готовился к разговору. А она звонила и присылала эсэмэски – не отвечал, не имело смысла.

– Инна! – громко позвал он, войдя в прихожую.

Его встретила темнота. И тишина. «Спит, что ли?» – подумал он. Однако... не столь уж и поздно, чтоб завалиться в кровать. И вдруг его осквернила подлая мысль: а одна ли она почивает в такой неподходящий для сна час? Вопреки логике (ведь решил расстаться с Инночкой), в Болотове заговорил примитивный собственник: да как она посмела в моем доме наставлять мне рога! С другой стороны, это был бы весьма удачный шанс: встал в позу и ушел разобиженно-оскорбленный.

Зная расположение комнат и мебели, он стремительно двинулся в спальню, нащупал выключатель, щелкнул... А там никого! Постель никто не разбирал.

Значит, Инны нет дома, ушла. Но и эта мысль принесла не облегчение, а, напротив, взвинтила Болотова. Он же ясно сказал: вечером в понедельник, Инна должна, обязана ждать его в квартире, вместо этого ушла. Назло, что ли? Как выражается Артем, замстила старому козлу за отказ жениться?

Куда, спрашивается, ушла так поздно? Нет, Валерий Витальевич не противоречит сам себе: мол, то поздно, то рано. Девять часов – поздно для прогулок и хождений по гостям, а для сна – рано. Но, может быть, она выскочила в круглосуточный магазин за едой, а он тут зря бесится? У нее же постоянно нет хлеба, потому что она его не ест, мол, и так толстая... А кстати, где она находится, проще простого выяснить, надо позвонить. Всего-то!

Валерий Витальевич ждал ответа, приложив мобилу к уху... но что это? Где-то рядом заиграла лирическая мелодия. Болотов пошел на звук, который привел его назад в прихожую. На столике под зеркалом, в сумочке, он обнаружил айфон Инны. Скорей всего, впопыхах она позабыла трубку, а может быть, рассчитывала вернуться через несколько минут. Мусор побежала выбросить, к примеру. Что ж, следует просто подождать ее, заодно выпить чайку, да и голоден Валерий Витальевич.

Болотов отправился на кухню, включил свет и... на какое-то время он вылетел из реальности.

Это было как временная потеря сознания, даже темнота заволочла мозг, а перед глазами поплыли черные круги, только без падения на пол. Сколько длилось это состояние – он не сказал бы, вероятно, недолго, раз устоял на ногах. Вернулся в реальность, когда покрылся холодным потом, который охладил разум и тем самым привел в чувство.

Но ничего не изменилось, не исчезло, все осталось на ме-

стах, к ужасу Болотова. Стало страшно...

При слове «крах» возникают абстрактные ассоциации и умозрительное понимание происходящего, если речь идет о конкретном событии – цунами, торнадо, пожаре. А Болотов крах ощутил всем своим существом, даже не вспомнив этого слова. В сознании проносилось: семья... дети... жена... репутация... подчиненные... газеты... скандал...

Воочию Болотов представил весь объем катастрофы, который обрушится на него с разрушительной силой – это и есть крах. Вот теперь и ноги подкосились, он опустился на колени перед телом девушки, не зная, что делать. В растерянности Валерий Витальевич вяло растирал грудь, оглядываясь по сторонам, словно искал в углах некую помощь.

Что Инне «Скорая» не поможет – это без вариантов. Она лежала на полу в луже крови, по всей видимости, лежала долго, поэтому растрепанные пряди волос намокли и погрузились в густую жижу, которая успела подсохнуть, особенно по краям.

Это была уже не Инна.

Болотов не узнавал приоткрытых бескровных губ, тусклых глаз, бессмысленно смотревших в никуда. Нет, он никогда не целовал эту восковую кожу, которую подкрасила смерть особым бледно-желтым цветом, такого цвета в живой природе не существует. Да и само личико Инны отчего-то сузилось, осунулось, заострился нос, резче обозначились скулы, глаза немного запали в почерневшие глазницы...

На полу в луже крови лежало подобие Инны.

Подкатила тошнота, а сил подняться на ноги не хватило.

Перед ним лежала женщина, которую он еще недавно обнимал, целовал, ласкал и любил, как любят последний раз в жизни, сейчас же она вызывала отвращение. Болотов запрокинул голову и постарался стереть кровавую картинку из памяти хотя бы на минуту, чтобы загнать тошнотворный комок внутрь. Потом просто сел у стены, вытер платком лоб и виски, по которым катились струйки пота.

В то, что он видел, сложно поверить. Нет, этого не может быть... А делать-то что-то надо... Болотов лихорадочно соображал, что именно делают в подобных случаях? Наверное, звонят... Но кому? Валерий Витальевич достал из кармана пиджака мобилу, еще не зная, кому позвонит. Контакты... Он перебирал имена и фамилии... Кто же поможет?.. Кому довериться? И наткнулся на Богдана. Как в игре – звонок другу!

– Да, Валера?

А у Богдана все ОК, голос бодрый, беззаботный – о, как позавидовал ему Болотов! Совсем противоположный тон у Валерия Витальевича, который не мог свободно говорить, его словно душили шарфом, изредка ослабляя узел:

– Богдан... у меня... Боня, все очень плохо...

– Что такое?.. – насторожился Богдана, угадав: с другом случилось нечто неординарное. – Да говори же!

– Тут Инна...

– Ну! Что – Инна?..

– Лежит. Она лежит на полу... и много крови... Богдана, я не знаю... Скажи, что мне делать?..

И заплакал. Болотов и слезы? Вещи несовместимые. Да он понятия не имел, что это такое и какова цена слезам, мало того, Валерий Витальевич презирал слезливых людей и не испытывал к ним жалости. Но сейчас он плакал от бессилия, растерянности, чувства вины и раскаяния, плакал, жалея Инну (почти ровесницу его дочери), и от стыда, раздавшего душу.

– В крови? – тем временем ужаснулся Богдан. – Почему она в крови? Ты можешь объяснить, что там у вас произошло? Ты что сделал с ней?

– Не знаю... – с трудом выдавил из себя Болотов. – Я пришел... Думаю, она себя сама... Понимаешь, я хотел расстаться, Инна это почувствовала и решила... решила убить себя...

– Подожди, я не понял... Инна жива?!

– Нет! Нет... Богдан, что мне делать? Я... не знаю... что нужно...

– Назови адрес, я выезжаю.

Богдан действительно не знал адреса, он ни разу не посетил трехкомнатный эдем на пятом этаже, где друг Валера тайком от жены и детей отрывался. Он принципиальный. На компромиссы если и шел, то очень трудно и только по необходимости, кстати сказать, по мнению Болотова, данный тип людей ужасно неудобен. Как же при таких жестких установ-

ках потакать Болотову, навещая его в доме любовницы? Это было бы предательством Нюши, так как жена Валерки тоже друг, и ничуть не меньше. Сколько раз Богдаша убеждал его «не шалить» на стороне, ведь рано или поздно интрижка боком выйдет – как в воду глядел! Но он друг. Настоящий. Только друг бросает все и несется на помощь, к тому же на ночь глядя, рискуя вляпаться в скверную историю. Болотов почувствовал себя уже не столь одиноким и несчастным, он ждал Богдашу и плакал над телом девочки, которую любил и благородно хотел дать ей свободу, а вот уберечь ее не сумел.

* * *

Автомобиль у Кирилла так себе, подержанная иномарка из дешевеньких. Раньше Марьяна в подобную машину села б только по приговору суда, это же полный отстой. Однако жизнь меняется, люди тоже. Кирилл, в отличие от бывших бойфрендов, практичен и башковит, неплохо владеет разговорным жанром, а то иной раз ухо стонет от косноязычия и мизерного словарного запаса. Едет на «Феррари», а сам тупой, как валенок, или даже тупее. И зачем дебил нужен? Но ее считают жутко корыстной, даже мать родная думает, что Марьяна помешана на деньгах. Безусловно, счет в банке – важнейшая часть успешной жизни, да на всех золотого дождя не хватает, следовательно, нужен тот, у кого амбиции настроены на одну волну. И у кого мозг есть, а не биологиче-

ская жижа под черепом. В этом смысле Кирилл пока устраивает ее, к тому же он давно за ней бегаёт, лет пять, что говорит о постоянстве. Это его идея – влиться Марьяне в солидную фирму с главным офисом в столице, ведь на приличную вывеску народ бежит охотней.

Они ехали в кафе расслабиться, получить дозу позитива после неудачных попыток выдурить у Болотова деньги. По понедельникам в клубах и кафешках тише, народу меньше, можно не только расслабиться, но и без спешки обсудить насущные проблемы.

– Хорошо, а чем твой отец мотивировал отказ? – полюбопытствовал Кирилл.

– Говорит, это разводилово для лохов. Люди пользуются своим положением и вымогают деньги у дураков. В чем-то он прав...

– Не прав, поверь. Неужели я советовал бы тебе...

– Прав, прав. Смотри: за вступление – взнос, и очень немаленький. Семинары посещать нужно в добровольно-принудительном порядке, а это удовольствие тоже не из дешёвых – дорога, гостиница, оплата семинаров. Ну и дальше по списку: плати, плати, плати. Самый настоящий рэкет в узаконенной обертке. Меня другое бесит: почему не заплатить, если есть деньги? А у отца есть. За престиж, за солидную вывеску – почему не заплатить? Мы же переплачиваем за бренды.

– Не только, – возразил Кирилл. – Это аванс за место под

солнцем и безбедную жизнь. Сейчас крупные фирмы поедают малые, не обратила внимания? Потихоньку, полегоньку, под разными предлогами, но съедают. Крути не крути, а крышу занять придется, если захочешь остаться на плаву, только со временем она будет стоять дороже. В конце концов эта крыша подберет все дела в регионе, станет распределять их по своим, а ты будешь считать не купюры, а машины, проезжающие мимо окон твоего скромного офиса – какие иномарки покупают чаще. Но есть и приятные мелочи от сотрудничества, например, корпоративные поездки на берег океана где-нибудь на островах... Фиджи, Мальдивы. Ты уже не платишь, тебя туда доставляют на самолете и облизывают. Потом, Марьяна, это новые знакомства, связи, возможности, перспективы. Это новый уровень.

Он так увлекательно рассказывал о преимуществах, что Марьяну просто подмывало предложить: дескать, теперь повтори то же самое, но моему отцу и в тех же радужных красках.

– Я использовала все методы, отец слышать ничего не хочет! Говорит, это деньги на ветер. Зато шлюхе Инке кидает щедрой рукой миллионы.

– Не кидает, а платит, – невозмутимо поправил Кирилл. – Твой отец платит за удовольствие.

– Не много ли? – завелась с пол-оборота Марьяна. – Ни одна подстилка столько не стоит. У меня нет ни своей квартиры, ни машины, консультация – и та не моя, а его. Отец по-

чему-то считает, что я должна жить в его доме до замужества и перейти в дом мужа. А если я никогда не выйду замуж? А если меня устраивает гражданский брак? Но какая-то шлюха с задницей сельской поварихи – в шоколаде и зефире! Это как называется? Знаешь, я его начинаю тихо ненавидеть.

– Ладно, остынь. Сейчас посидим, авось придумаем, как еще можно воздействовать на твоего отца. У всех есть слабые места, у него, думаю, тоже есть, надо лишь найти... Хитрее нужно быть, Марьяна.

Он припарковал автомобиль в узком переулке с мощенной булыжником дорогой, где двум автомашинам не разъехаться. Кафе располагалось в подвальном помещении и пользовалось успехом у людей респектабельных. Сам зал небольшой, здесь ненавязчивое оформление – под пятидесятые годы прошлого столетия. В углах старые приемники, миниатюрные кресла и фикусы, по стенам развешены фото тех лет, песни звучат тоже нафталинные, но приятные. Короче, симпатично и с ностальгическим флером. Цены только зашкаливают, вероятно, за ностальгию положены надбавки.

– Посидели, поговорили, – проворчала Марьяна, остановившись у входа.

– Что такое? – не понял Кирилл.

– Туда смотри, – указала она глазами в дальний угол. – Может, уйдем?

В углу за столиком сидели Константин и его новая подруга Сати. Но Кирилл и не думал уходить, а взял за руку Марьяну

и повел к столику брата.

– Не упрямясь, – уговаривал по дороге, так как Марьяну пришлось буквально тащить. – Прощупаем мнение Кости, вдруг он станет нашим союзником?

– Не вздумай! Костя никогда не принимает мою сторону. Я не хочу... Ну разве что испортить им всю малину? Не нравится мне эта Сати.

– Почему?

– Манерная. Притворства много в ней.

– Это все мелочи, Марьяша.

И Константин не обрадовался их появлению, а заметно сник, когда у столика очутились эти, двое, сестренка с Кириллом.

– Добрый вечер, – приветливо поздоровалась Сати. – Не ожидала вас увидеть, но я рада нашей встрече. Присаживайтесь.

– Ты так добра... – садясь, сказала Марьяна. По примеру Сати она взяла дружественный тон, и бог свидетель – не уступала ей в искренности.

* * *

Богдан Петрович долго сидел на корточках у тела Инны и внимательно, сантиметр за сантиметром, рассматривал ее, ни к чему не прикасаясь. Иногда с трудом поднимался, переходил на другое место, снова приседал и осматривал труп

с другого ракурса. Болотова коробила его сухая деловитость, как будто на полу лежит не знакомый человек, а силиконовая кукла. Сам он стоял, его то в жар бросало, то в холод, но все же был не один – уже толика счастья. Наконец Богдан Петрович поднял на него глаза и задал дурацкий вопрос:

– Ты здесь что-нибудь трогал?

– Знаешь, не до того было, чтобы трогать...

– Это хорошо, – сказал Богдан Петрович, выпрямляясь.

Взяв стул, он нашел чистое от пятен крови место, поставил его туда и сел. – Вызывай полицию.

– Полицию? – еле выговорил Болотов жуткое слово, сулившее огромные неприятности (мягко говоря). – Ты с ума сошел?

– Это ты сошел! – спокойно парировал Богдан.

У него есть завидная черта: Богдаша умел владеть собой. То ли это черта сугубо профессиональная, то ли доставшаяся по наследству, но Валерий Витальевич практически никогда не видел, чтобы друг Богдаша выходил из себя. А Болотов давал волю неуправляемым эмоциям – сколько угодно. На одной невыразительной ноте, глядя на тело девушки, Богдан уныло добавил:

– Неужели думаешь остаться в стороне? Полагаешь, никто не узнает, что молоденькая пассия Болотова убита? Да еще в квартире, которую он купил ей, обставил дорогой мебелью, содержал. Не надейся. На полу лежит джинн, выпущенный из бутылки. Готовься, Валера, к крупным и мелким непри-

ятностям.

Пауза повисла не специально, просто у Болотова застыла кровь в жилах, остановилось сердце, похолодели конечности – слова Богдаши стали новым ударом. Валерий Витальевич глупо мигал веками, глядя на друга с бесконечной надеждой, а тот осматривал кухню и, казалось, забыл о Болотове, который тоже стал похожим на труп, только стоячий. Но вот нечто горячее толкнулось в грудь, Валерий Витальевич вздрогнул и растерянно залепетал:

– Как убита? Что значит – убита? Разве Инна не... не сама? Ты что несешь, Боня?

– Хм! Я несу? – невесело ухмыльнулся тот. – Я врач...

– Детский... – робко вставил Болотов, мысленно допуская, что детский врач способен ошибиться. Богдаша ведь имеет дело с детьми, а не с трупами взрослых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.